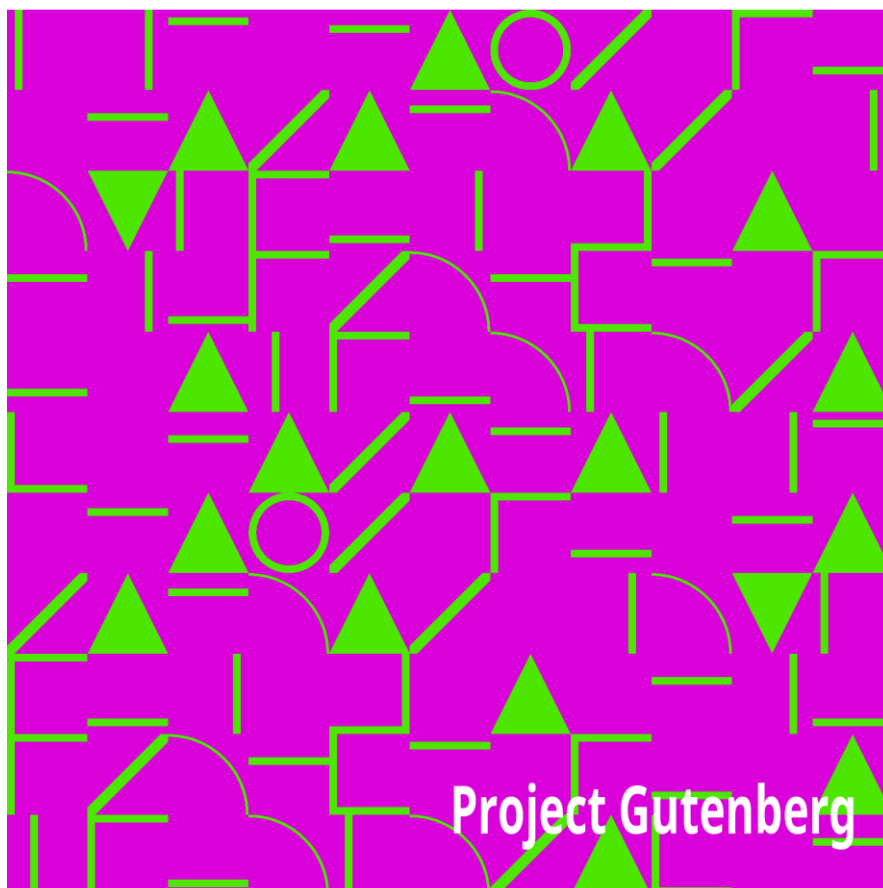

На заре канадской истории. Хроника коренных жителей Канады

Стивен Ликок

**The Dawn of Canadian History : A Chronicle
of Aboriginal Canada**

Stephen Leacock et al.

Электронная книга проекта " Гутенберг " о заре канадской истории : хроника коренных народов Канады

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: На заре канадской истории : Хроника коренных жителей Канады

Автор: Стивен Ликок

Редактор: Х. Х. Лэнгтон

Джордж Маккиннон ошибается

Дата выхода: 1 мая 2003 г. [Электронная книга № 4069]

Последнее обновление: 27 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: toronto: s.n., 1915

В титрах: Продюсер - Гарднер Бьюкенен. HTML-версия - Эл Хейнс.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " РАССВЕТ КАНАДСКОЙ ИСТОРИИ :
ХРОНИКА КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАНАДЫ " ***

ХРОНИКИ КАНАДЫ

Под редакцией Джорджа М. Вайна и Х. Х. Лэнгтона

В тридцати двух томах

Часть I

Первые посетители из Европы

НА ЗАРЕ ИСТОРИИ КАНАДЫ

Хроника коренных жителей Канады

Автор СТИВЕН ЛИКОК

ТОРОНТО, 1915

Содержание

- I ПЕРЕД РАССВЕТОМ
- II ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ
- III АБОРИГЕНЫ КАНАДЫ
- IV ЛЕГЕНДА О СКАНДИНАВАХ
- V БРИСТОЛЬСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
- VI ПРЕДШЕСТВЕННИКИ Жака КАРТЬЕ
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГЛАВА I

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Мы всегда говорим о Канаде как о новой стране. В каком-то смысле, конечно, это правда. Поселение европейцев на канадской земле началось всего триста лет назад. Цивилизация Канады - это всего лишь вчерашний день, и ее письменная история, если сопоставить ее с долгими тысячелетиями летописей европейских и восточных народов, кажется ничтожно малым отрезком.

Но есть и другой смысл, в котором Доминион Канада или, по крайней мере, его часть, возможно, является старейшей страной в мире. Согласно Теории туманностей, вся наша планета когда-то была раскаленной расплавленной массой, постепенно остывающей и затвердевающей, превратившись в известный нам земной шар. На его поверхности двигалось и колыхалось жидкое море, пылающее таким ужасающим жаром, что мы не можем составить реального представления о его интенсивности. По мере того как масса остывала, образовывались обширные слои пара, огромные слои облаков толщиной в мили и мили, которые нависали над поверхностью земного шара, заслоняя от его потемневшей поверхности пронзительные лучи солнца. Земля медленно остывала, пока огромные массы твердого вещества, породы, как мы ее называем, все еще пронизанные сильным жаром, не поднялись на поверхность кипящего моря. Силы невообразимой величины двигались сквозь эту массу. Внешняя поверхность земного шара при охлаждении разорвалась и сморщилась, как увядающий апельсин. Огромные хребты, нынешние горные цепи, прорезали его кожу. Здесь, во тьме доисторической ночи, возникла как древнейшая часть поверхности земли огромная скальная кора, которая огромным полумесяцем опоясывает берега Гудзонова залива, от Лабрадора до неведомых диких бесплодных земель бассейна Коппермайн, впадающих в Северное Ледовитое море. "Странник", который сегодня стоит в пустынной стране Джеймс-Бей или Унгава, является одним из старейших памятников мира. Суровая скала, которая то тут, то там прорывается сквозь тонкую почву бесплодного севера, лежала на этом месте с самой незапамятных времен. Вероятно, прошли миллионы лет с тех пор, как охлаждение внешней коры земного шара образовало прочную основу наших континентов.

Древнее образование, которое, таким образом, отмечает начало твердой поверхности земного шара, геологи обычно называют архейской породой, а мириады бесчисленных лет, в течение которых оно медленно формировалось, называются архейской эпохой. Но само по себе слово "архейский" ничего нам не говорит, являясь всего лишь греческим термином, означающим "очень древний". Этот архейский или первоначальный камень обязательно должен был распространяться по всей поверхности нашей сферы по мере того, как он остывал из своей расплавленной формы и сжимался в землю, на которой мы живем. Но в большинстве мест эта порода лежит глубоко под водами океанов или погребена под нагромождением пластов формаций, которые рука времени густо насыпала на нее. Только кое-где его еще можно увидеть как поверхностную породу или как скалу, лежащую на небольшом расстоянии под поверхностью почвы. В Канаде это архейское образование встречается чаще, чем где-либо еще в мире. На геологической карте он отмечен как простирающийся по всему бассейну Гудзонова залива, от Лабрадора до берегов Арктики. Он охватывает всю страну, которую мы называем Новым Онтарио, а также верхнюю часть провинции Квебек. За пределами этой территории на заре времен не было никакой другой "земли" там, где сейчас находится Северная Америка, за

исключением длинного скалистого острова, обозначающего хребет нынешних гор Селкирк, и длинного хребта, который сейчас является горной цепью Аллегани рядом с Атлантическим склоном.

Книги по геологии прослеживают для нас долгие последовательные периоды, в течение которых формировалась поверхность Земли. Даже в архейскую эпоху могло появиться нечто в форме жизни. Возможно, огромные массы промокших морских водорослей проросли как самые ранние растения в бурлящих океанах. Вода воевала с сушей, разрывая ее скальные образования и распределяя их новыми слоями, каждый из которых был погребен под следующим и прочно удерживал в себе окаменелые останки, составляющие летопись ее истории. Огромные растения папоротника распускают свои гигантские листья в сырой, лишенной солнца атмосфере, чтобы позже быть погребенными под обширными зарослями гниющей растительности, которые образуют сегодняшние угольные месторождения.

Животная жизнь зародилась первой, подобно растениям, в недрах океана. Из склизких глубин воды отвратительная жизнь выползла на сушу. Огромные рептилии медленно продвигались сквозь спутанную растительность джунглей из гигантских папоротников.

Возможно, на протяжении бесчисленных тысяч лет продолжался этот постепенный процесс. Природа, меняя свои огромные пейзажи, углубляла дно океанов и нагромождала сушу на континентах. На месте обширного "Континентального моря", которое когда-то заполняло внутреннюю часть Северной Америки, возникло огромное плато, или возвышенная равнина, которая сейчас простирается от бассейна Маккензи до Мексиканского залива. Вместо стремительных вод внутреннего моря эти воды сузились, превратившись в великие реки — Маккензи, Саскачеван, Миссисипи, — которые омывали поверхность плато и размывали поверхность скал и горных склонов, нанося их измельченные фрагменты на широкую ровную почву прерий запада. С каждой стадией эволюции суши формы жизни, по-видимому, достигали более высокого развития. На месте морских водорослей и гигантских папоротников древности выросли клены, буки и другие раскидистые деревья, которые мы сейчас видим в канадских лесах. Огромные рептилии в джунглях каменноугольной эры прекратили свое существование. На смену им пришли птицы, млекопитающие - разнообразные виды животной жизни, которые мы теперь знаем. Последним по шкале времени и на высшей ступени эволюции появился человек.

Мы не должны говорить о континентах как о раз и навсегда созданных в их нынешнем виде. Несомненно, за бесчисленные столетия геологической эволюции различные части земли попеременно поднимались и опускались. Росли огромные леса, которые в результате какой-то судороги были погребены под океаном, глубоко покрытые отложениями земли и камней, и, наконец, поднялись снова, когда воды отступили. Угольные пласты Кейп-Бретона - это остатки леса, погребенного под водой. Под почвой Альберты находятся обширные растительные джунгли, густая масса гигантских папоротниковых деревьев. Великие озера когда-то были частью гораздо более обширного водоема, гораздо большего по протяженности, чем сейчас. Древнюю береговую линию озера Верхнее можно проследить на пятьсот футов выше его нынешнего уровня.

В тот ранний период континенты и острова, которые мы сейчас видим полностью разделенными, были соединены в различных точках. Британские острова составляли соединенную часть Европы. Темза и Рейн были одной и той же рекой, текущей к Северному

Ледовитому океану по равнине, которая сейчас является неглубоким затонувшим дном Северного моря. Вполне вероятно, что в течение последней великой эпохи, четвертичного периода, как называют его геологи, подъем территории, которая сейчас является регионом Сибири и Аляски, образовал непрерывную цепь суши от Азии до Америки. Когда суша снова опустилась, она оставила позади себя острова в Беринговом море, похожие на ступеньки от берега к берегу. Точно так же, возможно, существовала прочная сухопутная дамба из Канады в Европу, протянувшаяся через Северную Атлантику. Баффинов остров и другие острова Канадского Северного моря, большой субконтинент Гренландия, Исландия, Фарерские острова и Британские острова - все они составляли часть этой непрерывной цепи.

Как последнее из великих изменений, наступил Ледниковый период, который глубоко повлиял на климат и почву Канады, и, когда лед отступил, ее поверхность осталась такой, какой мы видим ее сейчас. В этот период вся Канада от Атлантического океана до Скалистых гор была погребена под огромным ледяным покровом. Нагроможденный огромными массами на замерзшую поверхность страны Гудзонова залива, лед под действием собственного мертвого веса скользил боком на юг. Двигаясь, он размывал поверхность земли в глубокие борозды и каналы; он врезался в твердую породу, подобно движущемуся плугу, и уносил с собой огромные массы рыхлого камня и валунов, которые разбрасывал по лицу страны. Таким образом, эти камни и валуны были перенесены на сорок, пятьдесят, а в некоторых случаях и на многие сотни миль, прежде чем они были окончательно освобождены и сброшены с движущегося ледяного покрова. В Онтарио, Квебеке и Новой Англии найдены огромные камни ледникового покрова весом от тысячи до семи тысяч тонн. В некоторых случаях они отложились на том, что сейчас является вершинами холмов, показывая, насколько глубоким должен был быть ледяной покров, который мог таким образом покрыть всю поверхность страны, погребая под собой как долины, так и холмы. Масса льда, которая медленно, столетие за столетием, перемещалась по поверхности Южной Канады к Новой Англии, по оценкам, местами имела толщину в милю. Предел, до которого это было доведено, простирался далеко к югу от границ Канады. Путь дрейфа ледников прослежен геологами вплоть до атлантического побережья на месте нынешнего Нью-Йорка, а на центральной равнине континента он простирался до территории нынешнего штата Миссури.

Факты, похоже, подтверждают теорию о том, что до Великого ледникового периода климат северной части Канады сильно отличался от нынешнего. Весьма вероятно, что теплый, если не сказать жаркий климат простирался на сотни миль к северу от ныне обитаемых границ Доминиона. Замерзшие острова арктических морей когда-то были средоточием роскошной растительности и изобиловали жизнью. На острове Батерст, который лежит на 76 градусах широты и, таким образом, в шестистах милях к северу от Полярного круга, были найдены кости огромных ящериц, которые могли жить только в джунглях с почти тропическим климатом.

Мы не можем сказать с какой-либо уверенностью, как и почему произошли эти великие перемены. Но геологи связали их с попеременным подъемом и опусканием поверхности северного континента и его высотой в разное время над уровнем моря. Таким образом, представляется вероятным, что ледниковый период с ледяным щитом, о котором мы говорили, был вызван большим возвышением суши, сопровождавшимся переходом к сильному похолоданию. Это привело к образованию огромных масс льда, нагроможденных так высоко, что вскоре они обрушились и сдвинулись под действием собственного веса с возвышенности на севере, где они образовались. Позже северный континент снова опустился, и ледяной

покров исчез, но оставил после себя совершенно другой уровень и климат, отличный от тех, что были в более ранние эпохи. Свидетельства более поздних движений поверхности суши, а также ее подъемов и опусканий после окончания ледниковой эпохи все еще можно легко проследить. В определенный момент после ледникового периода поверхность опустилась так низко, что суша, которая с тех пор снова поднялась на значительную высоту, когда-то была берегом древнего океана. Эти пляжи легко отличить по большому количеству морских раковин, которые лежат повсюду, часто далеко от нынешнего моря. Так, в Нахваке на Лабрадоре есть пляж на высоте полутора тысяч футов над океаном. Вероятно, в этот период после ледникового периода берега Восточной Канады опустились так низко, что река Святого Лаврентия была вовсе не рекой, а огромным заливом или рукавом моря. Древний берег все еще можно проследить рядом с горой в Монреале и на склонах холмов вокруг озера Онтарио. Позже суша снова поднялась, океан отступил, и стремительные воды из высохших озер проложили свой собственный путь к морю. Насвоем пенистом пути к нижнему уровню они прорвали огромное ущелье Ниагары и, переваливаясь через неподатливые уступы Лачина, бились о них.

Подобные могущественные силы создали континент, на котором мы живем.

ГЛАВА II

ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ

Было необходимо составить некоторое представление, хотя бы в общих чертах, о масштабах великих геологических изменений, о которых мы только что говорили, чтобы правильно судить о древности и происхождении человека в Америке.

Когда европейцы прибыли на этот континент в конце пятнадцатого века, они обнаружили, что он уже населен расами людей, сильно отличающимися от них самих. Эти люди, которых они привыкли называть "индейцами", были разбросаны, хотя и очень поредевшими, от одного конца континента до другого. Кем были эти народы и как можно было объяснить их присутствие?

Для первых первооткрывателей Америки, или, скорее, для первооткрывателей пятнадцатого и шестнадцатого веков (Колумба и его преемников), происхождение индейцев не представляло никаких трудностей. Для них Америка должна была быть просто отдаленной частью Восточной Азии, которая была известна своей репутацией и традициями на протяжении прошлых веков. Поэтому, обнаружив тропические острова Карибского моря с климатом, растениями и животными, такими, какими они представляли себе Азию и Индийский океан, и населенные людьми со смуглым цветом кожи и странной речью, они, естественно, подумали, что это место

является частью Азии или Индии. Название "индейцы", данное аборигенам Северной Америки, отражает для нас это историческое недоразумение.

Но новый взгляд стал необходим после того, как Бальбоа пересек Панамский перешеек и окинул взглядом бескрайние воды Тихого океана, и после того, как Магеллан и его испанские товарищи обогнули подножие континента, а затем направились через Тихий океан к настоящей Индии. Теперь было ясно, что Америка - это регион, отличный от Азии. Даже тогда старое заблуждение трудно искоренить. Спустя долгое время после того, как европейцы поняли, что на юге Америка и Азия разделены великим морем, они вообразили, что эти континенты соединяются вместе на севере. Европейские представления о расстоянии и форме земного шара все еще были запутанными и неточными. Группа первых исследователей в Виргинии привезла с собой рекомендательное письмо от короля Англии к татарскому хану: они ожидали найти его в верховьях Чикахоми. Жак Картье, почти полвека спустя после Колумба, ожидал, что залив Святого Лаврентия откроется в пролив, ведущий в Китай. Но после открытия Северной части Тихого океана и Берингова пролива идея о том, что Америка была частью Азии, что местные жители были "индейцами" в старом смысле этого слова, считалась абсурдной. Было ясно, что Америка была, в широком смысле, островом, отрезанным от всех остальных континентов. Затем возникла необходимость найти какое-то объяснение кажущемуся изолированным положению части человечества, отделенной от своих собратьев бескрайними океанами.

Более ранние теории, безусловно, были достаточно наивными. Поскольку никакая известная человеческая сила не смогла бы перевезти индейцев через Атлантику или Тихий океан, некоторые древние авторы объясняли их присутствие в Америке как особое дело рук дьявола. Так, Коттон Мэзер, знаменитый пуританский священник ранней Новой Англии, со всей серьезностью утверждал, что дьявол заманил индейцев в Америку, чтобы вывести их "за пределы звона евангельских колоколов". Другие думали, что они были выброшенными на берег остатками великого потопа. Роджер Уильямс, основатель Род-Айленда, писал: "То, что они произошли от Адама и Ноя, даровано всем". Были выдвинуты еще более фантастические взгляды. Еще в 1828 году лондонский священник написал книгу, которую он назвал "Взгляд на американских индейцев", целью которой было "показать их потомками десяти колен Израилевых".

Даже когда подобные идеи были отвергнуты, историки пытались найти доказательства или хотя бы вероятность миграции индейцев с известных континентов через тот или иной из океанов. Следует признать, что, даже если бы мы предположили, что форма и протяженность континентов всегда были такими же, как сейчас, такая миграция была бы вполне возможна. Вполне вероятно, что под влиянием исключительной погоды — ветров, дующих неделю за неделей с одной и той же стороны света, — даже примитивное судно доисторических времен могло пересечь Атлантику или Тихий океан и высадить своих пассажиров живыми и невредимыми на берегах Америки. Чтобы доказать это, нам нужно только вспомнить, что история зафиксировала множество таких путешествий. Часто случалось, что японские джонки уносило ветром далеко за Тихий океан. В 1833 году корабль такого типа был отброшен сильным штормом из Японии к берегам островов Королевы Шарлотты у побережья Британской Колумбии. Точно так же рыболовный снасть с Формозы, которая находится у восточного побережья Китая, когда-то была благополучно перевезена через океан на Сандвичевы острова. Подобные длительные плавания совершались туземцами Южных морей против их воли, под

влиянием сильных и непрерывных ветров и на судне, не более лучшем, чем их открытые каноэ. Капитан Королевского военно-морского флота Бичи рассказывает, что во время одного из своих плаваний по Тихому океану он подобрал каноэ, наполненное туземцами с Таити, которых штормовой ветер отбросил на шестьсот миль от их собственного острова. Со времени открытия Америки также время от времени случалось, что корабли насильно перевозили через всю Атлантику. Взгляд на карту мира показывает нам, что восточное побережье Бразилии выдается в Южную Атлантику так далеко, что находится всего в полутора тысячах миль от аналогичного выступа Африки на запад. Направление пассатов в Южной Атлантике таково, что парусные суда, направляющиеся из Англии в Южную Африку, часто пересекали океан на большом участке, пока не оказывались в пределах видимости побережья Бразилии, прежде чем повернуть к мысу Доброй Надежды. Однако все, что мы можем сделать из случайных путешествий, подобных путешествию испанца Альвареса де Кабрала через океан, - это то, что даже если бы у человечества не было другого способа достичь Америки, оно могло бы высадиться там на корабле из Старого Света. В таком случае, конечно, пришествие человека на американский континент было бы чрезвычайно недавним событием в долгой истории мира. Этого не могло произойти до тех пор, пока человечество не продвинулось достаточно далеко, чтобы создавать суда или, по крайней мере, лодки простого вида.

Но есть свидетельства того, что человек появился на земле задолго до того, как произошло формирование континентов. И в Европе, и в Америке погребенные следы первобытного человека уходят корнями в глубокую древность и уводят нас гораздо дальше в прошлое, чем окончательные изменения земли и океана, которые сделали континенты такими, какие они есть; и, когда мы вспоминаем это, легко понять, как человечество могло переместиться из Азии или Европы в Америку. В древности рельеф земной поверхности отличался от нынешнего. Даже сейчас Сибирь и Аляска разделены только узким Беринговым проливом. С побережья Азии хорошо виден континент Северная Америка; острова, лежащие в проливе и ниже его, все еще выглядят как ступеньки, ведущие с континента на континент. И, помимо этого, вполне могло быть, что дальше на юг, где сейчас находится Тихий океан, раньше существовало прямое сухопутное сообщение между Южной Азией и Южной Америкой. Непрерывная цепь островов, протянувшаяся от Новых Гебрид через Южную часть Тихого океана на расстояние двух тысяч четырехсот миль от побережья Чили, возможно, является остатками затонувшего континента. На самом восточном из них, острове Пасхи, были найдены разрушенные храмы и остатки грандиозных земляных работ такого масштаба, что трудно поверить, что это работа небольшой общины островитян. Тот факт, что они имеют некоторое сходство со зданиями и произведениями искусства древних жителей Чили и Перу, наводит на мысль, что, возможно, Южная Америка когда-то была всего лишь частью огромного тихоокеанского континента. Или, опять же, обращаясь к другой стороне континента, можно привести некоторые доказательства того, что Америка и Африка когда-то были соединены сушей и что между Бразилией и побережьем Гвинеи прослеживается затонувший континент.

Тем не менее, кажется невозможным сказать, "мигрировала" ли когда-либо ранняя ветвь человеческой расы в Америку. Предположительно, эта раса могла зародиться там. Некоторые авторитетные ученые предполагают, что эволюция человечества происходила в одно и то же время и одинаковым образом в двух или более различных частях земного шара. Другие снова думают, что человечество эволюционировало и распространилось по поверхности мира точно так же, как различные виды растений и животных. Конечно, более высокие способности людей позволяли им с большей легкостью перемещаться с места на место, чем это могли бы существа

с меньшими способностями. Большинство современных авторов, однако, считают это маловероятным и считают более вероятным, что человек возник сначала в каком-то одном регионе и распространился оттуда по всей земле. Но где находился этот регион, они не могут сказать. Мы всегда думаем о расах Европы как о пришедших на запад из какой-то первоначальной родины в Азии. Это, конечно, совершенно верно, поскольку почти все народы Европы можно проследить по происхождению от первоначальной арийской семьи, которая, несомненно, совершила такую миграцию. Но мы также знаем, что человеческие расы обитали в Европе за много веков до арийского переселения. Какая именно часть земного шара была первым домом человечества - это вопрос, о котором мы можем только догадываться.

В одном мы можем быть уверены. Если миграция имела место, то должны были быть долгие века разделения между человечеством в Америке и человечеством в Старом Свете; в противном случае мы все еще могли бы найти какие-то следы родства в языке, которые соединили бы аборигенов Америки с великими расовыми семьями Европы, Азии и Африки. Но до сих пор не обнаружено ни малейших следов такого родства. Всем в общих чертах известно, что доисторические взаимоотношения между народами Европы и Азии все еще проявляются в языках наших дней. Французский и итальянский языки настолько похожи, что, если бы мы этого еще не знали, мы могли бы легко догадаться об их общем происхождении. Мы говорим об этих языках, наряду с другими, как о романских языках, чтобы показать, что они произошли от латыни, в отличие от близкородственных языков английского, голландского и немецкого народов, которые произошли от другого общего происхождения - тевтонского. Но даже тевтонский и романский языки не совсем различны. Сходство в обеих группах старых корневых слов, как и числа от одного до десяти, снова указывают на общее происхождение, еще более отдаленное. Таким образом, мы можем проследить целую семью языков, а вместе с ней и родство по происхождению, от Индостана до Ирландии. Аналогичным образом, другая большая группа языков — арабский, иврит и т.д. — показывает ветвь человеческой семьи, распространившуюся от Палестины и Египта до Марокко.

Теперь, когда мы приступаем к изучению языков американских индейцев в поисках доказательств их родства с другими народами, нас поражает следующий факт: мы не можем связать языки Америки с языками какой-либо другой части света. Это очень примечательное обстоятельство. Языки Европы и Азии, так сказать, взаимосвязаны и простираются далеко в Африку. Из Азии на восток, через малайские языки, можно проследить связь даже с речью новозеландских маори и с речью жителей самых отдаленных островов Тихого океана. Но подобные попытки связать американские языки с внешним миром терпят крах. В Северной Америке, от Арктики до Мексики, насчитывается около пятидесяти пяти групп языков, все еще существующих или недавно исчезнувших. Во всем этом мы можем проследить те же сходства и взаимосвязи, которые пронизывают языки Европы и Азии. Мы также можем легко связать речь уроженцев Северной Америки с речью уроженцев Центральной и Южной Америки. Даже если бы у нас не было сходства во внешности, племенных обычаях и общих манерах, на основании которых можно было бы спорить, мы могли бы с уверенностью сказать, что все различные семьи американских индейцев принадлежали к одной расе. Эскимосы Северной Канады не являются индейцами и, возможно, представляют собой исключение; возможно, что между ними и доисторическими пещерными людьми Северной Европы прослеживается связь. Но индейцы принадлежат к одной великой расе и не обнаруживают никакой связи ни в языке, ни в обычаях с внешним миром. Было сказано, что они принадлежат американскому континенту так же строго,

как его опоссумы и броненосцы, кукуруза и золотой жезл или любые другие местные животные и растения.

Но и здесь мы не должны делать слишком больших выводов из того факта, что языки Америки не имеют никакого отношения к языкам Европы и Азии. Это не доказывает, что люди произошли на этом континенте отдельно. Ибо даже в Европе и Азии, где никто не предполагает, что разные расы произошли от совершенно разных начал, мы находим языки, изолированные таким же образом. Речь басков в Пиренеях не имеет ничего общего с европейскими языковыми семьями.

Мы можем, однако, рассматривать аборигенов Америки как коренную расу, если какую-либо часть человечества можно рассматривать как таковую. Насколько нам известно, они не являются ответвлением или миграцией какого-либо народа так называемого Старого Света, хотя они, как и народы других континентов, являются потомками примитивного человеческого рода.

Мы можем обратиться к геологии, чтобы выяснить, как долго человечество жило на этом континенте. В ряде мест Северной и Южной Америки обнаружены следы человеческих существ и их деятельности, настолько древние, что по сравнению с ними начало письменной истории мира кажется делом вчерашнего дня. Возможно, люди жили в Канаде задолго до того, как берега ее озер приняли свой нынешний вид; задолго до того, как природа начала выдалбливать огромное ущелье реки Ниагара или очерчивать очертания нынешнего озера Онтарио. Давайте рассмотрим некоторые из примечательных свидетельств, касающихся возраста человека в Америке. В Никарагуа, в Центральной Америке, были обнаружены отпечатки человеческих стоп, глубоко погребенные более чем на двадцать футов под нынешней поверхностью почвы, под повторяющимися отложениями вулканической породы. Эти отпечатки, должно быть, были сделаны в мягкой илистой почве, которая затем была покрыта каким-то геологическим сотрясением, произошедшим много веков назад. Еще более поразительные открытия были сделаны вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки. Недалеко от устья реки Эсмеральдас в Эквадоре, на протяжении примерно шестидесяти миль, поверхность прибрежной почвы покрывает слой морской глины. Толщина этой глины составляет около восьми футов. Под ним находится слой песка и суглинка, который, возможно, когда-то сам по себе был поверхностной почвой. В этом нижнем слое найдены грубые каменные орудия труда, золотые украшения и осколки керамики. И снова, если мы обратимся к северной части континента, мы обнаружим останки того же рода, обломки каменных орудий труда и осколки кварца, погребенные в дрейфе долин Миссисипи и Миссури. Иногда их находили лежащими рядом или под костями слонов и животных, неизвестных в Северной Америке со времен Великого ледникового периода. Не так много лет назад несколько человек, занимавшихся рытьем колодца на склоне холма, который когда-то был частью пляжа озера Онтарио, наткнулись на остатки примитивного очага, погребенного под скопившейся почвой. Исходя из его положения, мы можем только заключить, что люди, сложившие камни для очага и разожгшие в нем огонь, сделали это, когда огромная стена северного ледника только начинала отступать, и задолго до того, как в скале начали прокладывать борозды в Ниагарском ущелье.

Многое указывает на то, что в Северной и Южной Америке во время отдаленных изменений Великого ледникового периода были люди. Но насколько древность человека на этом континенте уходит корнями в предшествующие эпохи, мы сказать не можем.

ГЛАВА III

АБОРИГЕНЫ КАНАДЫ

О бесчисленных веках истории красного человека в Америке до прихода европейцев мы действительно знаем очень мало. Очень немногие племена владели даже примитивным искусством письма. Это правда, что мексиканские ацтеки и древние толтеки, которые им предшествовали, умели писать картинками, и что с помощью этого средства они сохранили некоторые записи о своих правителях и великих событиях своего прошлого. То же самое можно сказать и о майя Центральной Америки, чьи разрушенные храмы до сих пор можно найти в густых лесах Юкатана и Гватемалы. У древних перуанцев также была система, не совсем письменная, но записи с помощью КИПУ или скрученных шерстяных шнуров разных цветов: именно благодаря таким записям мы имеем некоторые сведения об истории Перу примерно за сто лет до прихода испанцев, а некоторые традиции уходят еще дальше в прошлое. Но нигде в Америке искусство письма не было развито в достаточной степени, чтобы дать нам реальную историю мыслей и деяний ее народа до прибытия Колумба.

Это особенно верно в отношении тех семей великой красной расы, которые населяли территорию нынешней Канады. Они вели примитивный образ жизни, живя разбросанными по морскому побережью, лесам и открытым полянам района Великих озер или кочуя по прериям запада. Вряд ли у них было какое-либо оседлое жилище или постоянные жилища. Ирокезы и некоторые алгонкины строили длинные деревянные дома и частокол фортов из тяжелых бревен. Но даже эти племена, которые представляли собой самый дальний шаг к цивилизации среди дикарей Северной Америки, не создавали поселений в реальном смысле этого слова. Они ничего не знали об использовании металлов. Такое жалкое оружие и инструменты, какие у них были, были сделаны из камня, дерева и кости. Это правда, что много веков назад доисторические люди добывали медь в рудниках, расположенных рядом с озером Верхнее, поскольку следы их деятельности там находят до сих пор. Но искусство обработки металлов, вероятно, продвинулось лишь незначительно, а затем было утрачено, возможно, в результате какого-то древнего завоевания дикарей. Индейцы, обнаруженные Картье и Шампленом, ничего не знали о плавке металлов для изготовления орудий труда. У них также не было ничего, кроме самой элементарной формы земледелия. Они сажали кукурузу на опушках леса, но не валили деревья, чтобы расчистить поляну или вспахать землю. Урожай, собранный природой, и продукты охоты были их единственными источниками пропитания, и в поисках этой столь небрежно предложенной пищи они кочевали взад и вперед в глубине леса или бесконечно бродили по равнинам. Им предстояло совершить одно большое продвижение, и только одно. Водные пути Северной Америки - это природная дорога через лес. Каное из коры, в котором

индейцы плавали по поверхности канадских озер и рек, является чудом конструкции и чудесно приспособлено для своего назначения: это было их великое изобретение. Почти во всех других отношениях канадские индейцы не поднялись даже от дикости до той стадии на полпути к цивилизации, которая называется варварством.

Этих канадских аборигенов, по-видимому, было немного. Вероятно, что на момент открытия континента в Канаде, от Атлантики до Тихого океана, проживало около 220 000 туземцев — примерно вдвое меньше людей, чем сейчас проживает в Торонто. Они были разделены на племена или кланы, среди которых мы можем выделить определенные семейные группы, разбросанные по обширным территориям.

Самым северным из всех было великое племя эскимосов, которые обитали на всем пути от Гренландии до Северной Сибири. Название "эскимос" эти люди дали не самим себе. Оно использовалось индейцами абнаки при описании белым жителей крайнего севера и означает "люди, которые едят сырое мясо". Эскимосы называли и до сих пор называют себя иннуитами, что означает "народ".

Точное отношение эскимосов к другим расам континента определить трудно. Исходя из того факта, что эта раса обитала по обе стороны Берингова моря и что у ее представителей темные волосы и темные глаза, часто утверждалось, что они были родственны монголам Китая. Однако в настоящее время от этой теории отказались. Сходство в росте и цвете кожи лишь поверхностное, и более тщательный взгляд на физическое строение эскимоса показывает, что он гораздо больше похож на другие расы Америки, чем на азиатские. Выдающийся американский историк Джон Фiske считал, что эскимосы являются последними остатками древних пещерных людей, которые в каменном веке населяли все северные части Европы. Теория Фiske состоит в том, что в этот отдаленный период непрерывная суша простиралась через Исландию и Гренландию от Европы до Америки, и что таким образом раса пещерных людей смогла распространиться от Норвегии и Швеции до северных берегов Америки. В подтверждение этой точки зрения он указывает на удивительно изобретательные и художественные рисунки эскимосов. Эти рисунки сделаны на слоновой кости и настолько похожи на древние изображения на костях, найденные среди реликвий пещерных людей Европы, что их с трудом можно отличить.

Эта теория - всего лишь предположение. Несомненно, что когда-то эскимосская раса распространялась гораздо дальше на юг, чем когда белые люди пришли в Америку; в прежние времена эскимосы жили далеко к югу от Гудзонова залива и, возможно, даже к югу от Великих озер.

В результате своего положения эскимосы вели совершенно иной образ жизни, чем индейцы на юге. Они вынуждены добывать пищу рыбной ловлей и охотой. На этом почти безлесном севере у них не было древесины для строительства лодок или домов, а также овощей или растений, которые могли бы обеспечить их ни пищей, ни материалами для промышленности. Но сама суровость окружающей обстановки пробудила в них удивительную изобретательность. Они делали лодки из тюленьих шкур, туго натянутых на моржовые кости, и одежду из мехов, а также из шкур и перьев птиц. Они строили зимние жилища из больших снежных глыб, сложенных в виде перевернутой вверх дном чаши. Они отапливали свои жилища, сжигая ворвань или жир в чашеобразных лампах, вырубленных из камней. У них, конечно, не было письменной литературы. Они, однако, не были лишены искусства. У них были легенды и народные песни,

передававшиеся из поколения в поколение с предельной точностью. Долгой ночью арктической зимы они собирались в своих хижинах, чтобы послушать странное монотонное пение своих бардов: своего рода тихое пение, очень непривычное для европейских ушей, призванное имитировать звуки природы, журчание бегущих вод и рыдания моря. Эскимосы верили в духов и чудовищ, которых они должны были задобрить подарками и заклинаниями. Они думали, что после смерти душа либо уходит под землю, в место, где всегда тепло и уютно, либо поднимается в холодное, неприступно яркое полярное небо. Когда северное сияние разливалось по небу, эскимосы думали, что это отблеск душ умерших, видимый в их новом доме.

Самыми дальними к востоку от всех британских североамериканских индейцев были беотакы. Их местом обитания был в основном Ньюфаундленд, хотя они бродили также по окрестностям пролива Бель-Айл и вдоль северного берега залива Святого Лаврентия. Они находились на низшей ступени человеческого существования и жили исключительно охотой и рыбной ловлей. В отличие от эскимосов, у них не было собак, и условия их жизни были настолько суровыми, что они с трудом выдерживали борьбу с суровостью природы. Первые исследователи находили их на скалистых берегах острова Бель-Айл, диких и полуодетых. Они мазали свои тела красной охрой яркого цвета, за что и получили название краснокожих индейцев. С самого начала у них не было дружеских отношений с европейцами, которые прибывали к их берегам, а жили с ними в состоянии постоянной войны. Ньюфаундлендские рыбаки и поселенцы охотились на краснокожих индейцев, как на диких зверей, и убивали их на месте. Время от времени нескольких представителей этой несчастной расы привозили домой, в Англию, чтобы выставлять на сельских ярмарках перед толпой ухмыляющихся мужланов, которые платили по пенни за штуку, чтобы посмотреть на "дикарей".

На материке, рядом с краснокожими жителями Ньюфаундленда, жила великая раса алгонкинов, расселившаяся на огромной территории от Атлантического побережья до истоков Великих озер и даже дальше на запад. Алгонкины были разделены на великое множество племен, некоторые из названий которых все еще известны индейцам наших дней. Микмаки из Новой Шотландии, малеситы из Нью-Брансуика, наскапи из Квебека, чиппева из Онтарио и кри из прерий принадлежат к этому виду. Считается даже, что алгонкинов следует считать типичными представителями американской расы. Они были прекрасного роста, а по силе развитию мускулатуры вполне соответствовали расам Старого Света. Кожа у них была медного цвета, губы и носы тонкие, а волосы почти во всех случаях прямые и черные. Когда европейцы впервые увидели алгонкинов, они уже достигли определенного прогресса в развитии индустриальной цивилизации. Они строили хижины из сплетенных ветвей и для защиты иногда окружали группу хижин частоколом из поставленных торчком кольев. У них не было сельского хозяйства в истинном смысле этого слова, но они выращивали индийскую кукурузу и тыквы на опушках лесов, а также табак, с достоинствами которого они были хорошо знакомы. Они изготавливали для себя тяжелую и неуклюжую глиняную посуду и утварь из дерева, они плели циновки из тростника для своих домов, они шили одежду из шкуры оленя и головные уборы из ярких птичьих перьев. Из металлов, которые они знали на момент открытия Америки, почти ничего не было. Они немного использовали медь, которую раскалывали и ковали в грубые инструменты и оружие. Но они ничего не знали о плавке металлов, и наконечники их стрел и копий были сделаны по большей части не из металлов, а из камня. Как и другие индейцы, они проявили большую изобретательность в изготовлении удивительно легких каноэ из коры.

Однако мы должны помнить, что почти у всех аборигенов Америки, по крайней мере, к северу от Мексики, попытки использовать материалы и силы, предоставленные природой, привели лишь к незначительному и болезненному прогрессу. Мы склонны думать, что более быстрому продвижению помешала простая лень индейцев. Возможно, мы не осознаем их трудностей. Когда белые люди впервые пришли сюда, эти грубые народы были настолько отсталыми и так мало обучены использованию своих способностей, что любое продвижение в области искусства и промышленности неизбежно было медленным и трудным. Это, несомненно, относилось и к народам, которые много веков назад находились на той же ступени развития в Европе и приступили к выполнению сложных задач, связанных с продвижением к цивилизации. Историк Робертсон в ярком отрывке описывает отсталое состояние диких племен Америки. "Самая простая операция, - говорит он, - была для них предприятием огромной трудности и труда. Срубить дерево, используя только каменные топоры, было занятием на месяц. ...Их сельскохозяйственные работы были такими же медленными и некачественными. В стране, покрытой лесами из самых твердых пород древесины, расчистка небольшого поля, предназначенного для возделывания, требовала объединенных усилий всего племени и отнимала много времени и большой труд."

Религия индейцев-алгонкинов, по-видимому, была грубым поклонением природе. Солнце, как великий даритель тепла и света, было объектом их обожания; в меньшей степени они смотрели на огонь как на сверхчеловеческое существо, достойное поклонения. Четыре небесных ветра, приносящие бурю и дождь с неведомых границ мира, считались духами. Каждый индейский клан или часть племени выбирали для своей особой преданности животное, имя которого становилось отличительным символом клана. Это то, что подразумевается под "тотемами" различных ветвей племени.

Алгонкины ничего не знали об искусстве письма, кроме грубых рисунков, нацарапанных или нарисованных на дереве. Племена алгонкинов, как мы видели, кочевали далеко на запад. Одна ветвь часто посещала верховья реки Саскачеван. Здесь пепел от пожаров в прериях обесцветил их мокасины и сделал их черными, за что их и прозвали черноногими индейцами. Даже когда они переехали в другие части страны, это название все еще применялось к ним.

На территории к югу от алгонкинов проживала знаменитая раса, известная как ирокезская семья. Обычно мы читаем о гуронах и ирокезах как об отдельных племенах. Однако на самом деле они принадлежали к одной семье, хотя в тот период канадской истории, в котором они занимали видное место, они стали смертельными врагами. Когда Картье открыл реку Святого Лаврентия и направился на остров Монреаль, индейцы гуруны населяли всю эту часть страны. Когда Шамплейн появился двумя поколениями позже, они исчезли из этого региона, но все еще занимали часть Онтарио вокруг озера Симко и к югу и востоку от Джорджиан-Бей. Мы всегда связываем название ирокезы с той частью племени, которая включала союзные пять народов — могавоков, онондагас, сенекас, онейдас и кайюга, — и которая занимала территорию между рекой Гудзон и озером Онтарио. Это оказалось самой сильной стратегической позицией в Северной Америке. Он расположен в ущелье или разломе хребта Аллегани, единственном месте к югу от реки Святого Лаврентия, откуда открывается легкий доступ с морского побережья в глубь континента. Любой, кто бросит взгляд на карту нынешних Восточных штатов, поймет это и поймет, почему Нью-Йорк, расположенный в устье Гудзона, стал величайшим городом Северной Америки. Так вот, та же причина, по которой был создан Нью-Йорк, придала положению Пяти наций огромное значение в истории Канады. Но на самом деле расовая

принадлежность ирокезов простиралась гораздо дальше, как на запад, так и на юг. Он охватил хорошо известное племя Эри, а также индейцев Чесапикского залива и Потомака. В нее входили даже тускарора из Роанока в Северной Каролине, которые впоследствии перебрались на север и превратили пять наций в шесть.

Первоначально ирокезы были уроженцами равнины и, весьма вероятно, были связаны с дакотами на западе. Но они двинулись на восток от долины Миссисипи к Ниагаре, по пути побеждая. Ни одно другое племя не могло сравниться с ними ни в храбрости, ни в свирепости. Они в высокой степени обладали как добродетелями, так и пороками индейского характера — непоколебимым мужеством и дьявольской жестокостью, которые сделали индейцев объектом смешанного восхищения и презрения. По физической силе и выносливости им не было равных. Даже в наши дни изнуряющее влияние цивилизации не полностью лишило их первоначальной энергии. Во время Гражданской войны в АМЕРИКЕ пятьдесят лет назад пять рот индейцев-ирокезов, набранных в Канаде и штате Нью-Йорк, превосходили ростом и габаритами любое другое подразделение из пятисот человек в северных армиях.

Когда ирокезская семья мигрировала, гуроны поселились на западном полуострове Онтарио. Название озера Гурон до сих пор напоминает об их обиталище. Но часть расы продолжала продвигаться на восток. До прихода белых они пробивались почти к морю. Но они смогли удержать свои новые поселения только в результате упорных боев. Огромный частокол, который Картье видел в Хочелаге, с его частоколами и боевыми платформами, свидетельствовал о жестокости борьбы. В этом месте Картье и его спутники развлекались ужасными историями о сражениях с индейцами и массовых убийствах. Семьдесят лет спустя, во времена Шамплена, частокол Хочелага исчез, и гуроны были оттеснены обратно в глубь страны. Но в течение почти двух столетий после Шамплена ирокезы сохраняли свое господство на территории от озера Онтарио до Гудзона. Завоевания и войны на истребление этих дикарей, а также ужас, который они внушали, были обобщены генералом Фрэнсисом Уокером в высказывании: "Они были бичом Божьим для аборигенов континента".

Ирокезы в некоторых отношениях превосходили большинство индейцев континента. Хотя у них было ограниченное сельское хозяйство и они почти не использовали металлы, они продвинулись дальше в других направлениях, чем большинство дикарей. Они строили из бревен дома, достаточно длинные, чтобы их можно было разделить на несколько отсеков, по семье в каждом отсеке. Построив группу домов вместе и окружив их частоколом из кольев и посаженных дыбом деревьев, поселение было превращено в своего рода форт и могло бросить вызов ограниченным средствам нападения, которыми располагали их враги. В своих домах они держали хороший запас кукурузы, тыкв и вяленого мяса, которые принадлежали не каждому мужчине в отдельности, а всей группе в целом. Именно такой тип поселений наблюдался в Квебеке и Хочелаге, а позже и среди Пяти наций. Действительно, Пять наций дали себе живописное название "Длинный дом", поскольку их конфедерация напоминала, так сказать, длинные деревянные дома, в которых жили семьи вместе.

Все это показывает, что превосходство ирокезов над их врагами заключалось в организации. В этом они превосходили даже своих сородичей гуронов. Все индейские племена содержали женщин в условиях, которые мы сочли бы унижительными. Индейские женщины были тяжелыми работницами; они несли ношу и выполняли грубый ручной труд племени. Среди ирокезов, однако, женщины не пользовались полным презрением; иногда, если они обладали сильным

характером, они пользовались большим влиянием в советах племени. С другой стороны, среди гуронов к женщинам относились с презрением или грубым безразличием. Женщина-гурон, измученная тяжелым трудом, быстро утратила яркость своей юности. В возрасте, когда женщины более высокой культуры все еще находятся на пике своего очарования и привлекательности, женщина гуронов выродилась в сморщенную ведьму, ужасную на вид и часто презренную по характеру. Врожденная женственность была изгнана из ее груди жестоким обращением. Даже самый жестокий из воинов не превзошел неосвященную дьявольщину иссохшей скво в приготовлении пыток на костре и в беззубом ликовании у пыточного костра.

Там, где женщины находятся в таком положении, это всегда плохо сказывается на обществе в целом. Гуроно были одними из самых презренных индейцев по своим манерам. Они были отвратительными обжорами, объедавшимися при удобном случае с хищностью стервятников. Среди них процветали азартные игры и воровство. Действительно, за исключением традиций мужества в бою и стойкости перед болью, мы едва ли можем найти в них что-либо, достойное восхищения.

К северу и западу от алгонкинов и гуронов-ирокезов располагалась группа племен, принадлежащих к племени атапасков. Общие названия чипевииан и тинне также применимы к одной и той же великой ветви индейской расы. В составе различных групп и племен атапасканцы распространились от Арктики до Мексики. С тех пор их название стало связано только с географией Канады, но на самом деле ряд племен равнин, таких как хорошо известные апачи, а также калифорнийские хупа и навахо, принадлежат к атапаскам. В Канаде атапасканцы кочевали по стране, лежащей между Гудзоновым заливом и Скалистыми горами. Они были найдены в бассейне реки Маккензи по направлению к Северному Ледовитому морю и вдоль долины реки Фрейзер до долины реки Чилкотин. Их язык был разбит на множество диалектов, которые отличались друг от друга настолько сильно, что только родственные группы могли понимать речь друг друга. Но одно и то же общее сходство пронизывало различные ветви атапасков. Они были высокой, сильной расой, отличавшейся большой выносливостью в период своего расцвета, хотя у них было мало той особой выносливости, которая обеспечивает долгую жизнь и бодрую старость. Современные их потомки все еще демонстрируют те же черты лица - низкий лоб с выступающими ребристыми костями и глаза, посаженные несколько косо, что наводит на мысль, хотя, вероятно, и без оснований, о родстве с восточными народами.

Атапаскцы стояли низко на ступени цивилизации. Большинство из них жили в прериях, где плодородная почва, не загроможденная деревьями, откликнулась бы на малейший труд. Но атапаскцы, по крайней мере в Канаде, ничего не знали о сельском хозяйстве. Чередую голод и грубое изобилие, они жили за счет щедрот племен крайнего севера, деградировали от нужды и лени, часто были склонны к канныбализму.

Индейцы за горами, между Скалистыми горами и морем, по большей части совершенно отличались от жителей равнин. Некоторые племена атапасков, как мы видели, проникли в Британскую Колумбию, но большая часть туземцев этого региона принадлежала к совершенно другим расам. Конечно, мы почти ничего не знаем об этих индейцах в течение первых двух столетий европейского поселения в Америке. Только в восемнадцатом веке, когда русские торговцы начали часто бывать на тихоокеанском побережье, а испанцы и англичане продвинули свои плаванья в Северную часть Тихого океана, — тлинкиты крайнего севера, салиш, цимшиан, хайда, квакиутл-нутка и кутенай. Считается, однако, что почти все

тихоокеанские индейцы принадлежат к одному родственному роду. Действительно, между Калифорнией и Аляской существует множество различных языков, но внешний вид и характеристики аборигенов демонстрируют сходство во всем.

Общая численность первоначального индейского населения континента может быть лишь предметом предположений. Однако есть все основания полагать, что это было гораздо меньше абсурдно преувеличенных цифр, приводимых ранними европейскими авторами. Всякий раз, когда первые исследователи обнаруживали значительное количество дикарей, они приходили к выводу, что люди, которых они видели, были лишь частью какой-то большой нации. В результате испанцы оценили население Перу в тридцать миллионов человек. Испанский историк Лас Касас сказал, что население Эспаньолы, нынешнего Хайти, составляло три миллиона человек; по более точной оценке, сделанной примерно через двадцать лет после открытия острова, население сократилось до четырнадцати тысяч! Точно так же говорили, что Монтесума командовал тремя миллионами мексиканских воинов — очевидный абсурд. Первые иезуиты считали численность ирокезов примерно в сто тысяч человек; в действительности, по-видимому, во времена Вулфа и Монкальма их было около двенадцати тысяч. В начале двадцатого века в Америке к северу от Мексики проживало около 403 000 индейцев, из которых 108 000 проживали в Канаде. Некоторые авторы заходят так далеко, что говорят, что численность туземцев, вероятно, никогда не была намного больше, чем сегодня. Но даже если мы примем более общее мнение о том, что население Индии сократилось, нет никаких свидетельств того, что это население когда-либо было чем-то большим, чем небольшая россыпь скитальцев по поверхности огромной страны. По оценкам Муни, на момент прихода белого человека в Соединенных Штатах насчитывалось всего около 846 000 аборигенов, 220 000 - в Британской Америке, 72 000 - на Аляске и 10 000 - в Гренландии, общая численность коренного населения от Миссисипи до Атлантики составляла 1 148 000 человек.

Ограниченные средства существования, которыми обладали туземцы, их примитивное сельское хозяйство, их обычное нежелание вести оседлую жизнь и заниматься промышленностью, их постоянные войны и эпидемические заболевания, которые еще во времена Жака Картье сеяли среди них хаос, всегда должны были препятствовать росту многочисленного населения. Исследователь может целыми днями блуждать в глубине американского леса, не встречая никаких следов человеческой жизни. По правде говоря, континент представлял собой одну бескрайнюю тишину, нарушаемую только ревом водопада или криками лесных зверей и птиц.

ГЛАВА IV

ЛЕГЕНДА О СКАНДИНАВАХ

Существует множество историй о приходе белых людей к берегам Америки и об их поселениях в Америке задолго до путешествия Христофора Колумба. Даже во времена греков и римлян существовали предания и легенды о морях, которые выходили в "Море тьмы" за Геркулесовы столпы — древнее название Гибралтарского пролива - и далеко на западе находили обитаемые земли. Аристотель считал, что за Атлантикой должна быть суша, а Платон рассказывает нам, что когда-то у берегов Африки лежал огромный остров; он называет его Атлантидой, и он, по его словам, был погружен под воду в результате землетрясения. Финикийцы были замечательными моряками; их корабли вышли из Средиземного моря в другое море и достигли Британских островов, и, по всей вероятности, они заплыли так далеко на запад, что достигли Канарских островов. Действительно, в классической литературе мы находим множество упоминаний о предполагаемых островах и странах за Атлантикой. Древние называли эти места Островами Блаженных и Островами Удачи. Возможно, нет ничего противоестественного в том, что у более ранних авторов существование этих отдаленных и таинственных регионов связывалось с представлениями о Елисейских полях и обителях мертвых. Но более поздние авторы, такие как Плиний и Страбон, географ, говорили о них как о реальных местах и пытались подсчитать, на сколько римских миль они должны быть удалены от побережья Испании.

Похожие легенды существовали среди ирландцев, легенды, сохранившиеся в письменной форме по крайней мере за пятьсот лет до Колумба. Они повествуют о чудесных путешествиях в Атлантику и открытии новых земель. Но все эти истории перемешаны с очевидными баснями, с рассказами о местах, где никогда не было никаких болезней или немощей, и люди жили вечно, и пили восхитительное вино, и смеялись весь день, и мы не можем подтвердить ни крупицы исторической правды в них.

Еще более интересными, хотя бы ради любопытства, являются странные истории, которые были обнаружены среди ранних записей китайцев. Они старше ирландских легенд и датируются примерно шестым веком. Согласно китайской истории, некий Хозэй-Син плыл по Тихому океану, пока не оказался в четырех тысячах миль к востоку от Японии. Там он обнаружил новый континент, который китайские летописи называли Фусанг из-за определенного дерева - дерева фусанг, — из волокон которого жители делали не только одежду, но и бумагу и даже пищу. Это была поистине страна чудес. Там были странные животные с ветвистыми рогами на головах, были люди, которые не говорили по-китайски, но лаяли как собаки, и другие люди с телами, раскрашенными в странные цвета. Некоторые люди пытались доказать с помощью этих легенд, что китайцы, должно быть, высадились в Британской Колумбии или видели лосей или северных оленей, с тех пор вымерших, в стране далеко на севере. Но весь этот рассказ настолько перемешан с чудесами и описаниями вещей, которые, безусловно, никогда не существовали на Тихоокеанском побережье Америки, что мы не можем ни на что полагаться.

Единственное значение, которое мы можем придать подобным традициям открытия неизвестных земель и народов на новом континенте, - это их значение в целом, их совокупное влияние на вероятность такого открытия до времен Колумба. Они, по крайней мере, заставляют нас придавать должное значение обстоятельным и заслуживающим доверия записям о путешествиях скандинавов. Они стоят на почве, совершенно отличной от смутных традиций

классических авторов, а также ирландских и китайских легенд. Фактически, многие ученые сейчас убеждены, что восточное побережье Канады было известно и посещалось скандинавами за пятьсот лет до Колумба.

С незапамятных времен скандинавы были одними из самых смелых и искусных мореплавателей, когда-либо известных. Они строили большие деревянные лодки с высокими, широкими носом и кормой. Эти корабли, хотя и были открытыми и без палуб, все же были прочными и мореходными. Были найдены их останки, иногда глубоко погребенные под песком и сохранившиеся почти нетронутыми. Одно такое судно, обнаруженное на берегу Дании, имело 72 фута в длину. Другой корабль викингов, который был откопан в Норвегии и который хранится в музее в Христиании, был 78 футов в длину и 17 футов в ширину. Одна из древнескандинавских саг, или историй, повествует о том, как король Олаф Трюггвессон построил корабль, киль которого, когда он лежал на траве, имел длину 74 локтя; по современным меркам, это было бы судно водоизмещением около 942 тонн. Даже если мы примем во внимание преувеличение или невежество автора саги, все равно существует огромный контраст между этим судном и маленьким суденышком "Центурион", на котором Энсон совершил кругосветное плавание.

Однако нет необходимости доказывать, что скандинавы могли добраться до Америки на своих кораблях. Путешествия из Исландии в Гренландию, которые, как мы знаем, они совершали непрерывно в течение четырехсот лет, были такими же трудными, как и дальнейшее путешествие из Гренландии к берегам Канады.

История скандинавов звучит так. Ближе к концу девятого века, или почти за двести лет до нормандского завоевания, произошел великий исход скандинавов из их первоначальной родины в Норвегии. Некий король Гарольд преуспел в том, чтобы стать верховным правителем Норвегии, и огромное количество мелких вождей или ярлов предпочли искать новые дома за морями, а не подчиняться его правлению. Поэтому они вместе со своими последователями— мореплавателями - викингами, как мы их до сих пор называем, — часто даже со своими женами и семьями, садились на большие открытые корабли и отплывали: одни к берегам Англии, другие во Францию, третьи даже в Средиземное море, где поступали на службу к византийским императорам. Но третьи, любившие холодные бурные моря севера, двинулись на запад через Северное море и за пределы берегов Шотландии, пока не достигли Исландии. Это было в 874 году. Здесь они основали поселение, население которого вскоре выросло до пятидесяти тысяч человек, у него были стада крупного рогатого скота, прочные каменные дома и налаженная торговля рыбой и маслом со странами Северной Европы. Эти поселенцы в Исландии достигли высокого уровня цивилизации. У них было много книг, и они любили сказки, как и все эти северные народы, которые проводят долгие зимние вечера у камина. Некоторые из саг, или историй, которые они рассказывали, были правдивыми рассказами о путешествиях и приключениях их предков; другие были фантастическими историями, подобными нашим современным романам, созданным воображением; третьи, опять же, представляли собой смесь того и другого. Таким образом, иногда бывает трудно отличить факт от фантазии в этих ранних рассказах о скандинавах. Однако у нас есть способы проверить эти истории. Среди книг, написанных в Исландии, была одна под названием "Национальный справочник имен", в которой были записаны все имена людей с описанием их предков и любых выдающихся поступков, которые они совершили.

Именно из этой книги и из старых саг мы узнаем, как скандинавы пришли на побережье Америки. По-видимому, около 900 года некий человек по имени Гуннбьерн был отброшен сильным штормом на запад и выброшен на скалистый берег скованной льдом страны, где он провел зиму. Гуннбьерн благополучно добрался домой и больше никогда не пытался найти эту новую землю; но еще долго после его смерти рассказ о том, что дальше на запад есть земля, все еще ходил среди поселенцев Исландии и Оркнейских островов, а также в других домах скандинавов. Через некоторое время после путешествия Гуннбьерна случилось так, что очень смелый и решительный человек по имени Эрик Рыжий, живший на Оркнейских островах, был объявлен вне закона за то, что убил нескольких человек в ссоре. Эрик бежал на запад по морям около 980 года и прибыл в новую страну с большими скалистыми заливами и фьордами, как в Норвегии. Там не было деревьев, но склоны холмов были покрыты яркой травой, поэтому он назвал страну Гренландией, как она называется и по сей день. Эрик и его люди прожили в Гренландии три года, и руины их грубых каменных домов все еще можно увидеть рядом с одним из современных маленьких датских поселений. Когда Эрик и его последователи вернулись в Исландию, они рассказали о том, что видели, и вскоре он возглавил новую экспедицию в Гренландию. Искатели приключений отправились на двадцати пяти кораблях; более половины были потеряны по пути, но одиннадцать кораблей благополучно приземлились и основали колонию в Гренландии. Пришли другие поселенцы, и когда-то население этой гренландской колонии составляло около двух тысяч человек. Ее жители приняли христианство, когда это сделали их родственники в других местах, и руины их каменных церквей сохранились до сих пор. Поселенцы разводили крупный рогатый скот и овец, а также отправляли бычьи шкуры, тюленьи шкуры и моржовую слоновую кость в Европу в обмен на припасы. Но поскольку в Гренландии не было древесины, они не могли строить корабли, и поэтому их связь с внешним миром была более или менее ненадежной. Несмотря на это, колония просуществовала около четырехсот лет. Похоже, что ему пришел конец примерно в начале пятнадцатого века. Скучные записи о его истории можно проследить не позднее 1409 года. Что привело к прекращению его существования, неизвестно. Некоторые авторы, введенные в заблуждение названием "Гренландия", подумали, что, должно быть, произошло изменение климата, в результате которого страна утратила свое первоначальное тепло и зелень и превратилась в арктический регион. Для этой веры нет никаких оснований. Название "Гренландия" не подразумевало страну деревьев и пышной растительности, а лишь относилось к яркому ковру травы, который все еще можно увидеть коротким гренландским летом в более теплых ложбинах на склонах холмов. Возможно, поселение, никогда не отличавшееся большой численностью, было захвачено эскимосами, которые, как известно, часто нападали на колонию: весьма вероятно также, что оно пострадало от великой чумы, Черной смерти, охватившей всю Европу в четырнадцатом веке. Какова бы ни была причина, колонии пришел конец, и прошли столетия, прежде чем Европа снова узнала о Гренландии.

Вся эта история заселения Гренландии - исторический факт, в котором нельзя сомневаться. Частично случайно, частично намеренно скандинавы были перенесены из Норвегии на Оркнейские острова, Гебридские острова и Исландию, а оттуда в Гренландию. После того как это произошло, было естественно, что их корабли вышли за пределы самой Гренландии. В течение четырехсот лет, в течение которых норвежские корабли ходили из Европы в Гренландию, у их мореплавателей не было ни карты, ни компаса, и они плавали на огромных открытых лодках, несущих только большой квадратный парус. Очевидно, что в неблагоприятных погодных условиях и в тумане их, должно быть, снова и снова прогоняли мимо подножия

Гренландии и, должно быть, они приземлились где-то на территории нынешнего Лабрадора. Было бы немислимо, чтобы за четыре столетия путешествий этого ни разу не произошло. В большинстве случаев, без сомнения, о выброшенных штормом и потрепанных кораблях, подобных четырнадцати судам, которые потерял Эрик, больше никто никогда не слышал. Но в других случаях выжившие, должно быть, вернулись в Гренландию или Исландию, чтобы рассказать о том, что они видели.

Именно это и случилось с отважным моряком по имени Бьярне, сыном Херюльфа, через несколько лет после основания гренландской колонии. В 986 году он отплыл из Исландии, чтобы присоединиться к своему отцу, который находился в Гренландии, с целью, по старому доброму норвежскому обычаю, они могли вместе выпить рождественского эля. Ни Бьярне, ни его люди никогда раньше не плавали по Гренландскому морю, но, как отважные мореплаватели, они полагались на свой мореплавательский инстинкт, который вел их к его берегам. Когда корабль Бьярне направился на запад, на поверхность вод опустился густой туман. Не было ни солнца, ни звезд, но день за днем висел только густой влажный туман, который цеплялся за холодную поверхность вздымающегося моря. Современные путешественники, даже на роскошном пароходе, которые проводят несколько часов, дрожа в холодном сером тумане Северной Атлантики, раздраженные задержкой, могут составить некоторое представление о путешествиях, подобных путешествию Бьярне Херюльфа и его людей. Эти викинги неустрасливо продвигались на запад. Наконец, спустя много дней, они увидели сушу, но когда подплыли поближе, то увидели, что это не суровая безлесная местность, какой они знали Гренландию, а страна, покрытая лесами, страна низких берегов, переходящих вглубь материка к небольшим холмам, и гор не видно. Соответственно, Бьярне сказал, что это не Гренландия, и он не будет останавливаться, а повернет судно на север. Через два дня они снова увидели землю, все еще с левой стороны, и снова она была плоской и густо поросшей деревьями. Море успокоилось, и люди Бьярне захотели высадиться на берег и осмотреть эту новую страну, а также взять на корабль дров и воды. Но Бьярне не захотел. Итак, они продолжали идти своим курсом, и вскоре юго-западный ветер нес их вперед в течение трех дней и трех ночей. Затем они снова увидели землю, но на этот раз она была высокой и гористой, с огромными сверкающими снежными шапками. И снова Бьярне сказал: "Это не та земля, которую я ищу". Они не сошли на берег, но, подплыв поближе к берегу, вскоре обнаружили, что это остров. Когда они снова вышли в море, южный ветер усилился до штормового, который погнал их на север, паруса были спущены, и их корабль несясь сквозь пенящиеся волны. Три дня и ночи они бежали, спасаясь от шторма. На четвертый день перед ними показалась земля, и на этот раз это была Гренландия. Там Бьярне нашел своего отца, и там, когда не был в море, он прожил остаток своих дней.

Такова история Бьярне Херюльфа, как ее рассказывают скандинавы. У непредубежденного человека есть все основания полагать, что его путешествие привело его в Америку, к побережью Приморских провинций, Ньюфаундленда или Лабрадора. Большого сказать невозможно. Правда, трудно вместить "два дня" и "три дня" повествования Бьярне в расстояния плавания. Но каждый, кто читал какую-либо примитивную литературу или даже гомеровские поэмы, помнит, как легко времена, расстояния и числа, которые точно не известны, выражаются свободными фразами, которые не следует понимать буквально.

Весть о путешествии Бьярне и об открытии им земли, по-видимому, вскоре дошла до скандинавов в Исландии и в Европе. На самом деле Бьярне сам совершил путешествие в

Норвегию и, благодаря тому, что он сделал, считался там довольно важной персоной. Но люди винили Бьярне за то, что он не высадился на новых побережьях и не приложил особых усилий, чтобы побольше разузнать о регионе холмов и лесов, лежащем к югу и западу от Гренландии. Естественно, у других возникло искушение продолжить расследование. Среди них был Лейф, сын Эрика Рыжего. Лейф отправился в Гренландию, нашел Бьярне, купил его корабль и укомплектовал его командой из тридцати пяти человек. Отец Лейфа, Эрик, сейчас жил в Гренландии, и Лейф попросил его взять на себя командование экспедицией. Как говорится в саге, он думал, что, поскольку Эрик нашел Гренландию, он принесет удачу в новом предприятии. На какое-то время Эрик согласился, но когда все было готово и он ехал к берегу, чтобы сесть на корабль, его лошадь споткнулась, он выпал из седла и повредил ногу. Эрик воспринял это как дурное предзнаменование и не захотел идти, но Лейф и его команда из тридцати пяти человек отплыли на юго-запад. Это было в 1000 году нашей эры, или за четыреста девяносто два года до того, как Колумб высадился в Вест-Индии.

Сага повествует нам, что Лейф и его люди плыли дальше, пока не достигли последней земли, открытой Бьярне. Здесь они бросили якорь, спустили лодку и поплыли к берегу. Они не нашли травы, а только огромное снежное поле, простиравшееся от моря до гор дальше вглубь страны; и эти горы тоже блестели от снега. Норвежцам это место казалось неприступным, и Лейф окрестил его Хеллуландом, или страной сланца или плоских камней. Они не стали задерживаться, а сразу же отплыли. Описание заснеженных холмов, огромных каменных плит и пустынного вида побережья дает, по крайней мере, очень большую вероятность того, что эта земля была Лабрадором.

Лейф и его люди уплыли и вскоре обнаружили другую землю. Хроника не сообщает, сколько дней они пробыли в море, так что мы не можем судить о расстоянии этой новой страны от Страны Камней. Но, очевидно, он был совершенно другим по внешнему виду и располагался в более теплом климате. Побережье было низким, имелись широкие пляжи с белым песком, а за пляжами возвышались густые леса, раскинувшиеся по всей стране. Снова высадились скандинавы. Из-за деревьев они дали этому месту название Маркланд, или Страна лесов. Некоторые авторы полагали, что Маркланд, должно быть, был Ньюфаундлендом, но описание также предполагает Кейп-Бретон или Новую Шотландию. Побережье Ньюфаундленда, действительно, по большей части дерзкое, изрезанное и негостеприимное.

Лейф снова вышел в море. Два дня ветер дул с северо-востока. Затем они снова достигли суши. Этим новым регионом была знаменитая страна, которую скандинавы называли Вайнландией и о которой читал каждый школьник. Было так много споров о том, была ли Вайнландия — эта теплая страна, где виноград рос в диком виде, — Новой Шотландией, или Новой Англией, или каким-то другим регионом, что стоит прочитать рассказ о скандинавской саге в буквальном переводе:

Они подошли к острову, лежавшему на северной стороне суши, где высадились, чтобы дожидаться хорошей погоды. На траве была роса; и, случайно попав немного росы себе на руки и поднеся ее ко рту, они подумали, что никогда не пробовали ничего более сладкого. Затем они поднялись на борт и поплыли в пролив, который находился между островом и мысом, отходящим к северу от суши, и поплыли на запад мимо этого мыса. Там было очень мелководье и отлив, так что их корабль стоял сухим; и между их кораблем и водой был долгий путь. Им так хотелось добраться до суши, что они не стали ждать, пока их корабль поплывет, а побежали на

сушу, к месту, где река вытекает из озера. Как только их корабль оказался на плаву, они сели в лодки, подплыли к кораблю, отбуксировали его вверх по реке, а оттуда в озеро, где бросили якорь, вынесли с корабля свои кровати и поставили палатки.

Они решили навести там порядок для зимовки и построили большой дом. Они не испытывали недостатка в лососе ни в реке, ни в озере; и им показалось, что лосось крупнее, чем любой, кого они когда-либо видели прежде. Местность казалась им настолько хорошей, что не было необходимости заготавливать корм для скота на зиму. Зимой не было заморозков, и трава не сильно пожухла. День и ночь были более равными, чем в Гренландии и Исландии.

Далее хроника рассказывает, как Лейф и его люди провели зиму в этом месте. Они исследовали местность вокруг своего лагеря. Они нашли красивые деревья, достаточно большие, чтобы их можно было использовать для строительства домов, что чрезвычайно важно для людей из Гренландии, где деревья не растут. Обрадованный этим, Лейф и его люди срубили несколько деревьев и загрузили свой корабль древесиной. Однажды моряк, чей дом находился в "южной стране", где он видел вино, приготовленное из винограда, и которого прозвали "Турком", нашел на побережье лозы с дикорастущим виноградом. Он привел на место своих спутников, и они собрали винограда, которого хватило бы, чтобы наполнить лодку их корабля. Именно по этой причине Лейф назвал эту страну "Виноградной страной". Они нашли участки предполагаемой кукурузы, которая росла дикой, как виноград, и из года в год засеивалась заново. Поразительно, что норвежская хроника называет эти простые вещи. Если бы это было плодом фантазии, вероятно, мы услышали бы, как в китайских легендах, о странных демонах и других удивительных существах. Но вместо прекрасного леса, простирающегося до самого берега, мы слышим горы на заднем плане, переплетенные виноградные лозы и яркие заросли какого-то дикого зерна, созревающего на открытых полянах, - те самые вещи, которые привлекли внимание Карты, когда пять столетий спустя он впервые поднялся на реку Святого Лаврентия.

Мы не можем сказать, где находился Вайнленд. Если люди действительно нашли дикий виноград, а не какую-то клюкву, Вайнленд должен был находиться в регионе, где будет расти виноград. Виноградная лоза произрастает далеко на севере, на острове принца Эдуарда и Кейп-Бретоне, и, конечно же, в изобилии встречается на побережьях Новой Шотландии и Новой Англии. Хроника гласит, что зимние дни в Вайнленде были длиннее, чем в Гренландии, и называет точную продолжительность самого короткого дня. Однако, к сожалению, у скандинавов не было точной системы измерения времени; в противном случае продолжительность самого короткого зимнего дня позволила бы нам узнать, в каком именно месте было основано поселение Лейфа.

Лейф и его люди оставались в Вайнленде всю зиму, а весной отплыли домой в Гренландию (1001 год н.э.). Поскольку они привезли древесину, которая очень ценилась в гренландских поселениях, их путешествие вызвало много разговоров. Естественно, другие хотели соперничать с Лейфом. В сагах кратко описано несколько путешествий в Вайнленд в течение следующих нескольких лет.

Прежде всего, Торвальд, брат Лейфа, одолжил у него корабль, отплыл в Вайнленд с тридцатью людьми и провел там две зимы. В свое первое лето в Вайнленде Торвальд отправил несколько человек на лодке на запад вдоль побережья. Они обнаружили прекрасную страну с густыми лесами, доходящими до самого берега, и обширными участками белого песка. Они нашли что-то вроде деревянного сарая и были поражены этим первым признаком присутствия человека. У

Торвальда действительно были поразительные приключения. Во время сильного шторма его корабль потерпел крушение на побережье, и ему и его людям пришлось восстанавливать его. Он выбрал для поселения участок земли, густо поросший лесом. Прежде чем мужчины построили свои дома, они столкнулись с какими-то дикарями, которых взяли в плен. У этих дикарей были луки и стрелы, и они пользовались тем, что норвежцы называли "лодками из шкур". Одному из дикарей удалось спастись и разбудить свое племя, и вскоре из большой бухты выплыла огромная стая каноэ, окружила корабль викингов и выпустила тучу стрел. Норвежцы отбились от дикарей, но в схватке Торвальд получил смертельное ранение. Когда он лежал умирая, он велел своим людям похоронить его там, в Вайнленде, на том месте, где он намеревался построить свой дом. Это было сделано. Люди Торвальда остались там на зиму. Весной они вернулись в Гренландию с печальным известием для Лейфа о смерти его брата.

Последовали другие путешествия. Некий Торфинн Карлсевне даже пытался основать постоянную колонию в Вайнленде. Весной 1007 года он привел туда сто шестьдесят мужчин, несколько женщин и много скота. Он и его люди оставались в Вайнленде почти четыре года. Они торговали с дикарями, отдавая им ткани и безделушки в обмен на меха. Жена Карлсевна родила там сына, которого окрестили Снорре и который, возможно, был первым белым ребенком, родившимся в Америке. Колония Вайнланд, кажется, процветала достаточно хорошо, но, к сожалению, между норвежцами и дикарями вспыхнули ссоры, и так много людей Карлсевны было убито, что остальные были рады отплыть обратно в Гренландию.

Скандинавские хроники содержат еще одну историю о том, как один из спутников Карлсевны, Торвард, и его жена Фрейдис, дочь Эрика Рыжего, совершили путешествие в Винланд. Эта экспедиция закончилась трагедией. Однажды ночью скандинавы поссорились на своих зимних квартирах, произошла суматоха и резня. Фрейдис сама убила топором пять женщин, и маленькая колония была залита кровью. Выжившие вернулись в Гренландию, но с того часа все их избегали.

После этой истории у нас нет подробных отчетов о путешествиях в Вайнленд. Однако в исландской литературе есть упоминания об этом. По-видимому, нет никаких оснований полагать, что скандинавам удалось основать длительную колонию в Вайнленде. Некоторые люди пытались утверждать, что некоторые древние руины на побережье Новой Англии — старая каменная мельница в Ньюпорте и так далее — являются свидетельствами такого поселения. Но за этим утверждением нет достаточных доказательств.

Однако в целом, по-видимому, есть все основания заключить, что скандинавы снова и снова высаживались на атлантическом побережье Америки. Мы не знаем, где они устраивали свои зимние жилища, да это и не имеет значения. Весьма вероятно, что временные поселения существовали как в "Маркленде" с его густыми лесами, граничащими с морем, так и в других, менее перспективных регионах. Следует добавить, что некоторые авторитетные авторы отказываются даже признавать, что скандинавы достигли Америки. Другие, например Нансен, знаменитый исследователь Арктики, хотя и допускают вероятность этих путешествий, полагают, что саги - это всего лишь разновидность фольклора, который можно найти в примитивной литературе всех народов. С другой стороны, Джон Фiske, американский историк, посвятивший много терпеливых исследований этому вопросу, был убежден, что то, что сейчас является побережьем Канады, а также, вероятно, частью Новой Англии, было открыто, посещено и досконально известно норвежским жителям Гренландии. В течение нескольких столетий они,

по-видимому, совершали летние путешествия в эту "Добрую Виноградную страну" и обратно, как они ее называли, и привозили оттуда древесины и припасы, которых не было в их собственной негостеприимной стране. Вполне возможно, что дальнейшие исследования могут пролить новый свет на скандинавские открытия, и даже могут быть обнаружены неоспоримые следы построек или орудий труда поселенцев в Вайнленде. Между тем эта тема, какой бы интересной она ни была, остается окутанной тайной.

ГЛАВА V

БРИСТОЛЬСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Открытия скандинавов не привели к открытию Америки для народов Европы. Для этого время еще не созрело. Европейские нации все еще были отсталыми не только в мореплавании, но и в промышленности и торговле, которые были истинным мотивом для захвата новых земель. Во времена Эрика Красного Европа только начинала выходить из темного периода. Мощь и величие Римской империи исчезли, а великим королевствам, которые мы знаем, еще предстояло подняться.

Все изменилось за пятьсот лет, прошедших между основанием гренландской колонии и путешествием Христофора Колумба. Открытие Америки произошло как прямой результат развития цивилизации и растущей мощи Европы. Само событие произошло, в некотором смысле, по чистой случайности. Колумб искал Азию, когда оказался среди тропических островов Вест-Индии. Однако, с другой стороны, это открытие знаменует в мировой истории необходимый этап, к которому предшествующие столетия уже готовились. История путешествий Колумба не является частью нашего настоящего повествования. Но мы не можем понять предысторию, лежащую в основе истории Канады, не зная, почему такие люди, как Христофор Колумб, Васко да Гама и Кэботы, начали работу по открытию.

Во-первых, мы должны осознать особые отношения между Европой, древней и средневековой, и великими империями Восточной Азии. Две цивилизации никогда не находились в прямом контакте. И все же в каком-то смысле они всегда были связаны. У греков и римлян были по крайней мере смутные сообщения о народах, которые жили на дальневосточных границах мира, даже за пределами завоеваний Александра Македонского в Индостане. Несомненно также, что Европа и Азия всегда вели торговлю друг с другом странным и бессознательным образом. Пряности и шелка неведомого Востока переходили на запад от торговца к торговцу, от каравана к каравану, пока не достигли Персидского залива, Красного моря и, наконец, Средиземного моря. Путешествие было таким медленным, таким утомительным, товары так часто переходили из рук в руки, что, когда финикийские, греческие или римские купцы

покупали их, их происхождение было забыто. Столетие за столетием продолжалась эта торговля. Когда Рим пал, другие народы Средиземноморья продолжили восточную торговлю. Генуя и Венеция достигли величия благодаря этой торговле. По мере возрождения богатства и культуры после готского завоевания, свергнувшего Рим, прекрасные шелка и редкие пряности Востока ценились все больше и больше в мире растущей роскоши. Крестовые походы заново открыли для Европы Египет, Сирию и Восток. Золото и драгоценности, мечи из дамасской стали с бриллиантовыми рукоятками, резная слоновая кость и бесценные драгоценные камни - все сокровища, которые принесли домой воины Креста, помогли запечатлеть в сознании Европы несметные богатства Востока.

Постепенно появился новый интерес. Со временем усилились сомнения относительно истинной формы земли. Древние народы представляли себе это огромное плоское пространство с голубым небом, нависающим над ним подобно куполу или покрову. Эта концепция уступала место. Мудрецы, которые наблюдали занебом по ночам, которые видели широкие круги неподвижных звезд и блуждающий путь странных светящихся тел, называемых планетами, начали подозревать великую тайну, а именно, что наблюдающий глаз видит только половину небес, и что движение звезд и сама закругленная земля находятся ниже темноты горизонта. Из этой теории о том, что земля представляет собой огромную сферу, парящую в космосе, следовали самые захватывающие выводы. Если бы земля действительно была шаром, ее можно было бы обогнуть и снова появиться на дальней стороне горизонта. Тогда можно было бы достичь Востока не только через пустыни Персии и Татарии, но и выйдя в бескрайний океан, лежащий за Геркулесовыми столбами. Для такой попытки требовалось почти сверхчеловеческое мужество. Никто не может сказать, какие ужасные моря, какой всепоглощающий мрак могут лежать поперек знакомых вод, омывающих берега Европы. Самый бесстрашный из тех, кто по вечерам на утесах Испании или Португалии наблюдал, как черная ночь опускается на широко раскинувшиеся воды Атлантики, вполне мог содрогнуться от любой попытки плыть в эти неведомые просторы.

Именно суровая логика событий вынудила к этому предпринятию. Варварские турки устремились на запад. Аравия, Сирия, острова Греции и, наконец, в 1453 году сам Константинополь попали в их руки. Восточная империя, последнее, что осталось от Империи римлян, пало от меча Магомета. Затем путь по суше в Азию, к легендарным империям Китай и Чипанго, был перекрыт турецким завоеванием. Торговля, однако, оставалась активной и предприимчивой, и вскоре умы людей обратились к надеждам на западный проход, который должен был проложить новый маршрут в Индию.

Весь мир знает историю Христофора Колумба, его долгие годы лишений и уныния; высшую убежденность, которая поддерживала его в невзгодах; окончательный триумф, увенчавший его усилия. Не умаляет славы Колумба, если сказать, что он был лишь одним из многих энергичных людей, занятых новыми проблемами морских открытий. Не последними из них были Джон и Себастьян Кэботы, отец и сын. Джон Кэбот, как и Колумб, был генуэзцем по происхождению; однако долгое пребывание в Венеции принесло ему в 1476 году гражданство этой республики. Как и многие в его время, он, похоже, был одновременно географом-исследователем и морским капитаном-практиком. Одно время он зарабатывал на жизнь составлением карт. Охваченный жаждой открытий, он, как говорят, тщетно умолял государей Испании и Португалии о помощи в путешествии на Запад. Примерно во время великого открытия Колумба в 1492 году Джон Кэбот

прибыл в Бристоль. Возможно, он принимал участие в некоторых плаваниях бристольских купцов еще до того, как достижения Колумба начали потрясать мир.

В конце пятнадцатого века город Бристоль пользовался превосходством, которое с тех пор утратил. Как британский порт он уступал только Лондону. Группа богатых купцов вела из Бристоля оживленную торговлю с Исландией и северными портами Европы. Город был главным центром важной торговли треской. В то время обычно соблюдались постные дни; в эти дни употребление мяса было запрещено церковью, и, следовательно, рыба пользовалась большим спросом. Бристольские купцы были заядлыми торговцами и всегда стремились к дальнейшему расширению своей торговли. Говорят, что сам Христофор Колумб совершил путешествие для бристольских купцов в Исландию в 1477 году. Существует даже легенда о том, что еще до того, как Колумб приобрел известность, в 1480 году туда была снаряжена экспедиция на поиски "сказочных островов" Западного моря. Достоверно то, что испанский посол в Англии, в обязанности которого входило информировать своего королевского повелителя обо всем, что делается егосоперниками, писал домой в 1498 году: "Прошло семь лет с тех пор, как жители Бристоля каждый год отправляли флот из двух, трех или четырех каравелл на поиски острова Бразилия и Семи городов, согласно фантазии генуэзцев".

Таким образом, мы можем понять, что, когда мастер Джон Кэбот появился среди торговцев этого оживленного города со своими планами, он нашел готовый отклик. Вскоре Кэбот был доведен до сведения его августейшего величества короля Англии Генриха VII. Король был достаточно близорук, чтобы отвергнуть предложения, сделанные ему Бартоломью Колумбом, братом Кристофера, и, без сомнения, сожалел о своей ошибке. Теперь ему не терпелось выступить в роли покровителя нового путешествия. Соответственно, 5 марта 1496 года он выдал королевскую лицензию в форме так называемого Буквенного патента, разрешающего Джону Кэботу и его сыновьям Льюису, Себастьяну и Сансиусу совершить исследовательское путешествие от имени короля Англии. Кэботы должны были отплыть "с пятью кораблями или суденышками любой грузоподъемности или качества, какими бы они ни были, и с таким количеством морской пехоты или людей, сколько они захотят иметь с собой на указанных кораблях за свои собственные расходы". Будет видно, что Генрих VII, самый скупой из королей, не собирался оплачивать расходы на путешествие. Экспедиция должна была "искать, открывать и обнаруживать любые острова, страны, регионы и провинции язычников или неверных, в какой бы части света они ни находились, которые до этого времени были неизвестны всем христианам". Плыть предстояло только "к морям востока, запада и севера", поскольку король не хотел предъявлять никаких претензий на земли, открытые испанцами и португальцами. Первооткрыватели, однако, должны были поднять английский флаг над любыми новыми землями, которые они обнаружат, завоевать их и овладеть ими, а также приобрести "для нас господство, титул и юрисдикцию над этими городами, замками, островами и материками, открытыми таким образом". Пятая часть прибыли от предполагаемых путешествий к новой земле должна была достаться королю, но Кэботы должны были обладать монополией на торговлю, и Бристоль должен был пользоваться правом быть единственным портом захода для кораблей, занятых в этой торговле.

Джон Кэбот отправился в путь только в следующем, 1497 году. Затем он отплыл из Бристоля на единственном корабле, названном в старой истории "Мэтью", и с командой из восемнадцати человек. Сначала он обогнул юг Ирландии, а оттуда направился на запад, в неизвестное море. Навигационные приборы тогда были очень несовершенны. Моряки могли определить широту,

посмотрев на Полярную звезду и отметив, как высоко она находится над горизонтом. Поскольку Полярная Звезда находится на небе строго на север, а ось, вокруг которой вращается земля, всегда направлена в ее сторону, наблюдателю в северном полушарии будет казаться, что она находится на столько градусов выше горизонта, на сколько он сам удален от полюса или вершины земли. Поэтому старые мореплаватели всегда могли определить, как далеко они находятся к северу или югу. Более того, пока стояла ясная погода, они могли, таким образом, проложить, по крайней мере ночью, курс строго на восток или запад. Но когда погода не благоприятствовала наблюдениям, им приходилось полагаться только на компас. На самом деле компас не всегда и не везде указывает точно на север. Он подвержен изменениям и в разное время и в разных местах указывает либо значительно восточнее, либо к северу, либо к западу от него. На том пути, по которому плыл Кэбот, компас указывал западнее севера; и следовательно, хотя он думал, что плывет прямо на запад из Ирландии, на самом деле он шел по извилистой тропинке, немного загибающейся к югу. Этот факт станет важным, когда мы рассмотрим, где именно приземлился Кэбот. Для определения расстояния на восток и запад у мореплавателей пятнадцатого века не было таких приборов, как наш современный хронометр и приборы наблюдения. Они могли сказать, как далеко они проплыли, только "по мертвому счету"; это означает, что если их корабль шел с такой-то скоростью, то предполагалось, что он прошел такое-то расстояние за данное время. Но когда корабли швыряло взад и вперед и их бил встречный ветер, этот расчет становился крайне неопределенным.

Джона Кэбота и его людей просто изрядно мотало на их маленьком суденышке. Хотя они, кажется, отправились в путь в начале мая 1497 года, землю они увидели только 24 июня. На что была похожа эта земля и что они думали о ней, мы знаем из писем, написанных в Англии разными людьми после их возвращения. Таким образом, мы узнаем, что это была "очень хорошая страна с умеренным климатом" и что "там произрастают бразильское дерево и шелка". "Море, - сообщали они, - покрыто рыбой, которую ловят не только сетью, но и корзинами, к которым привязывают камень, чтобы корзины тонули в воде". Отныне, как было сказано, Англии больше не нужно будет покупать рыбу в Исландии, поскольку воды новой земли изобиловали рыбой. Кэбот и его люди не видели дикарей, но они нашли доказательства того, что эта земля была обитаема. Тут и там в лесу они видели срубленные деревья, а также грубые силки, расставленные для ловли дичи. Они были в восторге от своего успеха. Они сообщили, что новая земля, несомненно, должна быть связана с Чипанго, откуда происходят все специи и драгоценные камни мира. Они заявили, что только скудный запас провизии помешал им доплыть вдоль побережья до Китая и Чипанго. Как бы то ни было, они установили на земле большой крест с флагом Англии, а также знамя святого Марка, покровителя Венеции, города Кэбота.

В старых исторических источниках всегда говорилось, что Джон Кэбот высадился где-то на побережье Лабрадора и в лучшем случае заходил не дальше Ньюфаундленда. Даже если бы это была вся правда о путешествии, Кэботу и его людям выпала бы большая честь быть первыми европейцами, со времен скандинавов, ступившими на материковую часть Северной Америки. Без сомнения, они были первыми, кто развернул флаг Англии и водрузил крест на земле, которая впоследствии стала частью Британской Северной Америки. Но это еще не все. Вполне вероятно, что Кэбот достиг точки далеко к югу от Лабрадора. Его предполагаемое плавание на запад на самом деле привело его к югу от широты Ирландии. Он не упоминает об айсбергах, которые любой путешественник должен встретить на побережье Лабрадора с июня по август. Его рассказ об умеренном климате, пригодном для выращивания красивого дерева, о лесных

деревьях и о стране, такой прекрасной, что она казалась воротами в зачарованные земли Востока, совершенно не соответствует голому и неприступному виду Лабрадора. Остров Кейп-Бретон, вероятно, был местом высадки Кэбота. Мягкий летний климат, изобилие рыбы в его водах соответствовали впечатлениям Кэбота. Данные карт, одна из которых была сделана сыном Кэбота Себастьяном, также указывают на Кейп-Бретон как на первое место высадки английских моряков в Америке.

Нет сомнений в том, какой переполох произвело открытие Кэбота по его благополучному возвращении в Англию. Он был в Лондоне в августе 1497 года и сразу же стал объектом жадного любопытства и интереса. "Его величают Великим адмиралом, - писал венецианский резидент в Лондоне, - и ему оказывают огромные почести. Он одевается в шелка, и англичане бегают за ним, как сумасшедшие". Солнечный свет королевской милости хлынул на него потоком: даже Генрих VII проявил щедрость. Королевские счета показывают, что 10 августа 1497 года король выделил десять фунтов "тому, кто основал новый остров". Несколько месяцев спустя король предоставил своему "горячо любимому Джону Кэботу из окрестностей Венеции ежегодное пособие в размере двадцати фунтов стерлингов", подлежащее выплате на таможене порта Бристоль. Король также не скупился на обещания помощи в организации новой экспедиции. Очевидно, воображение Генриха было воспламенено идеей создания восточной империи. Современный писатель сообщает нам, что у Кэбота должно было быть десять вооруженных кораблей. По просьбе Кэбота король передал ему всех заключенных, необходимых для укомплектования этого флота, сохранив только лиц, осужденных за государственную измену. Одна из ироний истории заключается в том, что на первых страницах ее анналов преступникам Европы предлагается прекрасный новый мир.

В течение последующей зимы Джон Кэбот был героем дня. Шли напряженные приготовления к новому путешествию. Были выданы патенты, дающие Кэботу право выводить любые шесть кораблей, которые ему понравятся, из портов королевства, выплачивая их владельцам ту же цену, только как если бы они были взяты на службу королю. "Гранд-адмирал" стал очень важной персоной. Одному другу он даровал власть над островом; другим давал щедрые обещания; некоторым бедным монахам, предложившим отправиться в его предстоящее путешествие, предстояло стать епископами над язычниками новой земли. Даже лондонские купцы отваживались посылать товары для торговли и привозили в Кэбот "грубую ткань, шапочки, кружева, очки и другие безделушки".

Вторая экспедиция вышла из порта Бристоль в мае 1498 года. Командовали Джон Кэбот и его сын Себастьян; о младших братьях мы больше ничего не слышим. Но большие надежды путешественников были обречены на разочарование. По прибытии к берегам Америки корабли Кэбота, похоже, первыми повернули на север. Роковая идея о том, что до азиатских империй можно добраться через северные моря, уже утвердила свое господство. Поиски северо-западного прохода, этот блуждающий огонек трех столетий, уже начались. Много лет спустя Себастьян Кабот рассказал другу в Севилье некоторые подробности, касающиеся неудачной попытки его отца добраться до островов пряностей на Востоке. Флот, по его словам, насчитывающий триста человек, сначала взял курс так далеко на север, что даже в июле месяце в море были обнаружены чудовищные глыбы льда. "Там был, - так сказал Себастьян своему другу, - в некотором смысле постоянный дневной свет". Неприступный вид побережья, пронизывающий холод северных морей и безграничные просторы безмолвно дрейфующих льдов охладили надежды исследователей. Они повернули на юг. День за днем, неделя за

неделей они огибали побережье Северной Америки. Если верить другу Себастьяна, они достигли точки, расположенной так далеко на юге, как Гибралтар в Европе. Льда больше не было. Холод Лабрадора сменился мягким бризом с песчаного побережья Каролины и мягкими водами Гольфстрима. Но от легендарных империй Китая и Чипанго, а также от "городов и замков", над которыми должен был властвовать Великий Адмирал, не осталось и следа. Экспедиция неохотно повернула снова в сторону Европы, и с ее поворотом заканчиваются наши знания о том, что произошло во время путешествия.

У нас есть определенные доказательства того, что корабли вернулись домой либо целым флотом, либо, по крайней мере, частично. Мы знаем, что Джон Кэбот вернулся в Бристоль, поскольку древние отчеты порта показывают, что он дожил до получения по крайней мере одной или двух выплат своей пенсии. Но солнечный свет королевской милости больше не освещал его путь. В анналах английской истории имя Джона Кэбота больше никогда не встречается.

Сын Себастьян выжил, чтобы продолжить жизнь, полную морских приключений, считаться одним из величайших морских капитанов того времени и дожить до почетной старости. В 1512 году мы слышим о нем на службе у Фердинанда Испанского. Кажется, он снискал большую известность как составитель карт. Он все еще лелеял идею добраться до Азии через северные моря Америки. Говорят, что решение о северо-западной экспедиции под командованием Себастьяна было принято Фердинандом, когда смерть этого прославленного монарха помешала осуществлению этого проекта. После смерти Фердинанда Кэбот поссорился с вельможами испанского двора, покинул Мадрид и вернулся на некоторое время в Англию. Некоторые утверждают, что он совершил новое плавание на службе у Генриха VIII и переплыл Гудзонов пролив, но, вероятно, это всего лишь смутное воспоминание, передаваемое понаслышке, о более ранних плаваниях. Кэбот снова служил Испании при Карле V и совершил путешествие в Бразилию и по реке Ла-Плата. Позже он снова появляется в Англии, и Эдуард VI назначил его инспектором королевских кораблей. Он был лидером среди купцов-авантюристов, которые в правление Эдуарда впервые открыли морскую торговлю с Россией.

Путешествия бристольских торговцев и предприимчивость Англии ни в коем случае не закончились подвигами Кэботов. Хотя наши обычные учебники истории больше ничего не рассказывают нам об английских плаваниях, пока мы не дойдем до времен великих мореплавателей елизаветинской эпохи Дрейка, Фробишера, Хокинса и основания Виргинии, на самом деле многие плавания были совершены при Генрихе VII и Генрихе VIII. Оба монарха, похоже, стремились продолжить исследование западных морей, но им снова не посчастливилось заполучить таких опытных лоцманов, как Джон и Себастьян Кэбот.

Во-первых, кажется, что рыбаки Англии, так же как и рыбаки бретонского побережья, шли по следу кэботов. Как только атлантический переход к Ньюфаундленду был избавлен от ужасов неизвестности, он не считался трудным. При сильных восточных ветрах корабль шестнадцатого века мог совершить переход из Бристоля или Сен-Мало в Гранд-Бэнкс менее чем за двадцать дней. Как только корабль причаливал к берегу, рыба обнаруживалась в изобилии, совершенно неизвестном в европейских водах, и корабли обычно возвращались домой с большими грузами. В первые годы шестнадцатого века английские, французские и португальские рыбаки в большом количестве отправлялись из Европы на берега. Они высадились в разных точках Ньюфаундленда и Кейп-Бретона и хорошо ознакомились с очертаниями побережья. Например,

для Жака Картье не было неожиданностью во время его первого плавания обнаружить французское рыболовное судно, стоящее у северного берега залива Святого Лаврентия. Но эти рыболовецкие команды не думали об исследованиях. Сбор урожая в море был их единственной заботой, и, кроме высадки на берег для разведения рыбы и добычи древесины и воды, они ничего не делали для того, чтобы заявить права на землю или завоевать ее.

Однако время от времени предпринимались попытки проследить за открытиями Кэботсов. Бристольские купцы, похоже, не были разочарованы результатом предприятия Кэботов, поскольку уже в 1501 году они отправили новую экспедицию через Атлантику. Снова была применена санкция короля, и Генрих VII выдал трем жителям Бристоля — Ричарду Уорду, Томасу Эшхерсту и Джону Томасу — патенты на исследование западных морей. Эти имена звучат по-домашнему по-английски; но с ними были связаны трое португальцев — Джон Гонсалес и двое мужчин по фамилии Фернандес, все с Азорских островов и, вероятно, из класса мастер-лоцманов, к которому принадлежали Кэботс и Колумб. Мы ничего не знаем о результатах экспедиции, но в том же году она благополучно вернулась, и скупой король был вынужден выплатить пять фунтов из своей казны "жителям Бристоля, которые нашли остров".

Фрэнсис Фернандес и Джон Гонсалес остались на английской службе и стали подданными короля Генриха. И снова, летом 1502 года, они были отправлены в очередное плавание из Бристоля. В сентябре они благополучно привели свои корабли обратно и, в доказательство необычности новых земель, привезли домой "трех человек, привезенных с острова форре за Айрелондом, которые были одеты в пчелиные шкуры, ели сырое мясо и вели себя грубо, как бисты". Из этого описания (сделанного в старом атласе того времени) следует, что экспедиция Фернандеса повернула на север от Грейт-Бэнкс и посетила побережье, где обитали эскимосы, либо на Лабрадоре, либо в Гренландии. На этот раз Генрих VII назначил Фернандесу и Гонсалесу пенсию в десять фунтов каждому и сделал их "капитанами" новооткрытых Земель. Бристольским купцам, сопровождавшим их, была выдана сумма в двадцать фунтов. Мы должны помнить, что в то время Новооткрытая Земля была общим названием, использовавшимся для всего северного побережья Америки.

Есть свидетельства, что еще одна экспедиция отправилась из Бристоля в 1503 году, а еще одна - в 1504 году. Фернандес и Гонсалес с двумя английскими партнерами снова были лидерами. Они должны были обладать монополией на торговлю в течение сорока лет, но их предупредили, чтобы они не вторгались на территорию короля Португалии. О судьбе этих предприятий ничего не известно.

Ко времени правления Генриха VIII, который начал править в 1509 году, ежегодная рыболовная флотилия англичан, отправлявшаяся к американскому побережью, приобрела важное значение. Еще в 1522 году королевский военный корабль был отправлен в устье Ла-Манша для защиты "возвращающегося домой флота Новооткрытого острова". Генрих VIII и его министр кардинал Уолси, очевидно, стремились продолжить дело предыдущего правления, и особенно привлечь богатых купцов и торговые компании Лондона к освоению Запада. В 1521 году кардинал предложил Лондонским ливрейным компаниям — так назывались торговые организации купцов, — отправить пять кораблей в плавание к Новооткрытой Земле. Когда купцы, казалось, не были склонны к подобному предприятию, король "резко обратился к мэру с просьбой привести его в исполнение в меру своих сил". Но даже при таком стимуле прошло несколько лет, прежде чем в Лондон была отправлена экспедиция. Наконец, в 1527 году два

небольших корабля под названием "Самсон" и "Мэри Гилдфордская" отправились из Лондона с инструкциями найти путь в Китай и Индию через северный проход. Два корабля покинули Лондон 10 мая, зашли в Плимут и, наконец, отплыли оттуда 10 июня 1527 года. Они последовали по следу Кэбота, направляясь на запад от побережья Ирландии. В течение трех недель они держались вместе, успешно пересекая Атлантику. Затем в поднявшемся сильном шторме "Самсон" погиб со всеми, кто был на борту.

"Мэри оф Гилдфорд" продолжала свой путь в одиночку, и с ее командой происходили приключения, странные даже для тех дней. Ее курс, проложенный значительно севернее, привел ее к дрейфующим льдам и гигантским айсбергам, которые в это время года (поскольку был июль) сносятся к побережью Америки из полярных морей. Опасаясь надвигающегося льда, судно повернуло на юг, моряки с нетерпением высматривали землю и на ходу прощупывали ее. Через четыре дня они добрались до побережья Лабрадора. Несколько дней они шли по ней на юг. Вскоре они вошли в залив, где обнаружили хорошую гавань, множество маленьких островов и устье большой реки с пресной водой. Этот регион представлял собой дикую местность, его горы и леса, по-видимому, не были заселены человеком. Недалеко от берега они увидели следы огромных зверей, но, хотя они обследовали местность примерно на тридцать миль, они не увидели ни людей, ни животных. В конце июля они снова вышли в море и прошли вдоль побережья Ньюфаундленда к гавани Сент-Джонс, уже хорошо известному месту встречи. Здесь они обнаружили четырнадцать кораблей рыболовецкой флотилии, в основном суда из Нормандии. От Ньюфаундленда "Мэри оф Гилфорд" продолжила свой путь на юг и прошла вдоль атлантического побережья Америки. Если бы на борту был кто-нибудь, способный вести точные наблюдения, даже по моде того времени, или составлять карты, отчет о ее путешествии многое бы добавил к общим знаниям о континенте. К сожалению, итальянский пилот, руководивший полетом, был убит в стычке с индейцами во время временной посадки. Некоторые полагали, что этот лоцман, погибший на "Мэри оф Гилдфорд", возможно, был великим мореплавателем Верразано, о котором мы сейчас поговорим.

Маленькое суденышко направилось вдоль побережья к островам Вест-Индии. Она достигла Порто-Рико в середине ноября и с этого острова направилась к новым испанским поселениям Сан-Доминго. Здесь, стоя на якорной стоянке, "Мэри оф Гилдфорд" была обстреляна испанским фортом, господствовавшим над устьем реки. Она сразу же вышла в открытое море и, направившись на восток через Атлантику, благополучно прибыла в свой лондонский порт.

ГЛАВА VI

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ Жака КАРТЬЕ

Мы видели, что после возвращения второй экспедиции Кэботса англичане не предприняли никаких путешествий к берегам Канады, имевших первостепенное значение. Это, однако, не означает, что другие народы ничего не сделали для открытия и исследования северных побережий Америки. Португальцы были первыми после Кэботов, кто продолжил поиски вдоль канадского побережья тайны скрытого Востока. Мы должны помнить, что в то время португальцы были одной из ведущих наций Европы, и они были особенно заинтересованы в морском предпринимательстве. Правда, благодаря Колумбу испанцы захватили главный приз открытия. Но португальцы оказали услугу не менее полезную. От своих берегов, далеко выступающих в Атлантику, они плавали на юг и восток и многое добавили к знаниям о земном шаре. На протяжении поколений, как до, так и после Колумба, лоцманы и моряки Португалии были одними из самых успешных и отважных в мире.

Почти за сто лет до открытия Америки португальцы пытались найти морской путь к островам пряностей на Востоке и к великим восточным империям, которые, согласно преданию, лежали далеко за океаном и которых Марко Поло и другие путешественники достигли за годы мучительного сухопутного путешествия через внутреннюю Азию. Принц Генрих Португальский был занят этими задачами в середине пятнадцатого века. Еще до этого португальские моряки добрались до Мадейр и Канарских островов, а также до Азорских островов, которые лежат в тысяче миль в Атлантике. Но под предводительством принца Генриха они начали ощупью прокладывать себе путь вдоль побережья Африки, невзирая на изнуряющую жару и ужасные штили этого экваториального региона, где палящее солнце, висящее над головой в безоблачном небе, отражалось в глади стоячего и сверкающего океана. Они постоянно надеялись, что в какой-то момент будет обнаружено, что суша откатывается назад и открывает океанский путь вокруг Африки на Восток - цель их желания. Год за годом они продвигались все дальше, пока, наконец, не достигли знаменательного результата. В 1487 году Бартоломью Диас обогнул южную точку Африки, получившую многозначительное название "Мыс Доброй Надежды", и вошел в Индийский океан. Отныне стал возможен водный путь на Дальний Восток. Следуя за Диасом, Васко да Гама, покинув Лиссабон в 1497 году, обогнул юг Африки и, достигнув портов Индостана, сделал морской путь в Индию определенной реальностью.

Таким образом, в тот момент, когда испанцы овладевали западным миром, португальцы налаживали свою торговлю на вновь открытом Востоке. Две нации согласились разделить между собой эти миры Востока и Запада. Они обратились к дружественным услугам Папы Римского в качестве посредника, и с этого момента воображаемая линия, проведенная вдоль Атлантики, разделила королевства. Поначалу казалось, что такое расположение дает Испании все новые регионы Америки, но линия раздела проходила так далеко на Западе, что открытие Бразилии, которая выходит на восток, в Атлантику, дало португальцам обширную территорию в Южной Америке. Однако в то время, о котором мы сейчас говорим, португальцы были сосредоточены на своих интересах на Востоке. Их великой целью было выйти за пределы Индии, уже достигнутой да Гамой, к дальнейшим империям Китая и Японии. Как и другие мореплаватели того времени, они думали, что до этих мест можно добраться не только по южным, но и по северным морям. Так получилось, что португальцы, продвинувшись далеко на юг в Африке, зашли также далеко на север в Америке и поплыли вдоль побережья Канады.

Вследствие этого мы обнаруживаем, что, когда король Португалии Мануэль снаряжал флот из двадцати кораблей для новой экспедиции под командованием да Гамы, которая должна была отправиться в Индию через Африку, другая португальская экспедиция, отправившаяся с той же целью, плыла в противоположном направлении. Ее возглавлял Гаспар Кортес-Реаль, дворянин с Азорских островов, который с большим интересом следил за открытиями Колумба, Диаса и да Гамы. Кортес-Реаль отплыл из Лиссабона летом 1500 года на одном корабле. Он причалил к Азорским островам. Возможно, что там к нему присоединилось второе судно, но это неясно. От Азорских островов его путь лежал на северо-запад, пока вскоре он не достиг земли, описанной как "прохладный край с большими лесами". Кортес-Реаль назвал ее из-за ее зелени "Зеленой землей", но сходство названия с местом, которое мы называем Гренландией, - всего лишь случайность. На самом деле португальский капитан находился на побережье Ньюфаундленда. Он видел множество туземцев. Португальцам они показались варварским народом, который одевался в шкуры и жил в пещерах. Они пользовались луками и стрелами, а также деревянными копьями, наконечники которых они закаляли огнем.

Кортес-Реаль направлял свой курс на север, пока не оказался у берегов Гренландии. Он проплыл некоторое расстояние вдоль этих суровых и неприступных берегов, страны запустения, с зубчатыми горами и изрезанными скалами, покрытыми снегом и льдом. Его глазам не попало ни следа исчезнувшей цивилизации скандинавов. Португальский пилот считал Гренландию в ее южной оконечности выдающимся мысом Азии и изо всех сил старался миновать его на запад, в более благоприятный регион. Но его путь был прегражден "огромными массами замерзшего снега, плавающими по морю и движущимися под действием волн". Ясно, что его встретил не только ледяной покров Северного Ледовитого океана, но и огромные айсберги, медленно движущиеся вместе с полярным течением. Повествование рассказывает о том, как команда "Кортес-Реаль" добывала пресную воду из айсбергов. "Из-за солнечного тепла пресная и прозрачная вода растапливается на вершинах и, спускаясь по небольшим каналам, образованным самой водой, разъедает основание, куда она падает. Были отправлены лодки, и таким образом было взято столько, сколько было необходимо.

Кортес-Реаль добрался до места (которое находилось на 60 градусах широты), где море вокруг него казалось текучим снежным потоком, и поэтому он назвал его Рио-Невадо, "река снега". Вероятно, это был Гудзонов пролив.

В конце того же сезона "Кортес-Реаль" вернулся в Лиссабон. Он не обнаружил ничего, что могло бы принести непосредственную выгоду португальской короне, но его исследование побережья Северной Америки от Ньюфаундленда до Гудзонова пролива, по-видимому, укрепило веру в то, что лучший путь в Индию лежит в этом направлении. Как бы то ни было, 15 мая 1501 года он снова был отправлен в путь с тремя кораблями. На этот раз португальцы, по их словам, открыли регион, в котором раньше никто не бывал. В описании указано, что они находились на побережье Новой Шотландии и прилегающей части Новой Англии. Земля была покрыта прекрасным прямым лесом, пригодным для мачт кораблей, и "когда они высадились, то нашли вкусные плоды различных видов, а также деревья и сосны изумительной высоты и толщины". Они увидели много туземцев, занятых охотой и рыбной ловлей. Следуя обычаю того времени, они схватили пятьдесят или шестьдесят туземцев и запихнули этих несчастных пленников в трюмы своих кораблей, чтобы увезти домой в качестве доказательства реальности своих открытий и продать в рабство. Те, кто видел этих дикарей в Португалии, описывают их как стройных, с мягкими манерами, хотя внешне они были грубыми и даже грязными. Они носили

шкуры выдр, а их лица были изрезаны морщинами. По описанию подошел бы любому из алгонкинских племен восточного побережья. Среди туземцев, замеченных на побережье, был мальчик, у которого в ушах были два серебряных кольца венецианской работы. Это обстоятельство навело португальцев на мысль, что они находятся на побережье Азии и что европейское судно недавно посетило то же самое место. Истинное объяснение, если правильно сообщить об этом обстоятельстве, по-видимому, состоит в том, что кольца были реликвиями путешествий Кэбота и его торговли безделушками, поставляемыми торговцами.

Гаспар Кorte-Реаль отправил корабли своей супруги домой, пообещав продолжить исследование побережья и вернуться позже в этом сезоне. Корабли должным образом достигли Лиссабона, доставив пленников и новости о путешествии. Кorte-Реаль, однако, так и не вернулся, и о его судьбе ничего не известно.

Когда прошел год без каких-либо известий о Гаспаре Кorte-Реале, его брат Мигель снарядил новую экспедицию из трех кораблей и поплыл на запад в поисках него. Достигнув побережья Ньюфаундленда, корабли Мигеля Кorte-Реаля разделились, чтобы произвести тщательные поиски пропавшего Гаспара во всех направлениях. Они исследовали глубокие изломы острова, отмечая его выдающиеся особенности. То тут, то там они встречались с туземцами и торговали с ними, но не находили ничего ценного. Что еще хуже, когда пришло время собираться, как и было условлено, в гавани Сент-Джонса, к месту встречи прибыли только два корабля. Корабль Мигеля отсутствовал. Подождав некоторое время, другие суда вернулись без него в Португалию.

Теперь были потеряны два кортежа. Король Мануэль передал права на Гаспара и Мигеля другому брату, и в последующие годы отправил несколько португальских экспедиций на поиски пропавших лидеров, но безуспешно. Португальцы получили лишь представление об изобилии рыбы в районе побережья Ньюфаундленда. Это было важно, и с тех пор португальские корабли вместе с норманнами, бретонцами и англичанами занимались рыбной ловлей на Гранд-Банках. О Кorte-реалах больше ничего не было слышно.

Следующим великим путешествием, полным открытий, было путешествие Хуана Верразано, примерно через двадцать лет после гибели королевских кортежей. Как и многие другие пилоты своего времени, Верразано был итальянцем. Он много странствовал по миру, добрался до Ост-Индии новым маршрутом, который открыли португальцы, а также, как говорят, был членом корабельной команды в одном из рыболовных рейсов на Ньюфаундленд, совершаемых теперь в любое время года.

Имя Хуана Верразано имеет особое значение в истории Канады. Во многих отношениях он был предшественником Жака Картье, "первооткрывателя Канады". Он не только плавал вдоль побережья Канады, но и делал это на службе у короля Франции, первого представителя тех растущих амбиций, которые в настоящее время должны были привести к основанию Новой Франции и колониальной империи монархии Бурбонов. Франциск I, французский король, был энергичным и амбициозным принцем. Его подвиги и соперничество занимают центральное место в европейской истории начала шестнадцатого века. Целью Франциска было продолжить дело Людовика XI, объединив его народ в единое могущественное государство. Его брак с наследницей Бретани присоединил это независимое герцогство, богатое, по крайней мере, храбростью своего народа в мореходстве, к короне Франции. Но Франциск стремился еще выше. Он хотел сделать себя арбитром Европы и верховным правителем европейских королей. Потерпев поражение от не менее известного короля Испании Карла V в его попытке добиться

положения и титула императора Священной Римской империи и лидерства в Европе, он поставил перед собой цель свергнуть растущее величие Испании. История Европы на протяжении четверти века вращается вокруг противоположных амбиций двух монархов.

В рамках своего великого замысла Франциск I обратился к открытиям и исследованиям запада, чтобы по возможности соперничать с достижениями Колумба и Кортеса и завладеть территориями, изобилующими золотом и серебром, рабами и товарами, такими как острова Куба и Сан-Доминго и недавно завоеванная империя Монтесумы, принадлежавшая Испании. Именно с этим намерением он послал Хуана Верразано; для дальнейшего осуществления этого он послал Жака Картье десять лет спустя; и результатом стало то, что впоследствии французское владычество восторжествовало в долине Святого Лаврентия и были посеяны семена, из которых вырос нынешний Доминион Канада.

В конце 1523 года Хуан Верразано вышел из порта Дьепп на четырех кораблях. Избываемые сильными штормами, они вошли в гавань Мадейры, настолько измученные непогодой, что в живых остался только один годный к плаванию корабль. В этом "дофине" Верразано 17 января 1524 года отправился в путь к своим западным открытиям. Путешествие было благополучным, если не считать одного ужасного шторма в середине Атлантики, "такого ужасного, - писал Верразано, - от которого когда-либо страдали моряки". После семи недель плавания на запад Верразано увидел берег, "никогда прежде не виданный ни одним человеком, ни древним, ни современным". Это был берег Северной Каролины. С этого места французский капитан направился на север, внимательно осматривая побережье, высаживаясь то тут, то там и принимая к сведению внешний вид, ресурсы и местных жителей страны. Путешествие проходило в основном вдоль побережья нынешних Соединенных Штатов и поэтому не имеет непосредственного отношения к настоящему повествованию. Отчет Верразано о своих открытиях, как он впоследствии записал его, полон живописного интереса, и теперь его можно найти в переводе на английский язык в книге Хаклюита "Путешествия". Он рассказывает о дикарях, которые стекались к низкому песчаному берегу, чтобы посмотреть на французский корабль, стоящий на якоре. Они носили шкуры на чреслах и светлые перья в волосах, и они были "красновато-коричневого цвета и мало чем отличались от сарацин". Верразано сказал, что эти индейцы имели "веселый и уравновешенный вид, не были сильными телом, но сообразительными, проворными и превосходными бегунами". Когда он плыл на север, его поразила чудесная растительность американского побережья, прекрасный лес из сосен, кипарисов и других неизвестных ему деревьев, покрытый переплетенными лозами, такими же плодовитыми, как лозы Ломбардии. Путешествие Верразано и его высадку можно проследить на всем пути от Каролины до северной части Новой Англии. Он заметил чудесную гавань в устье Гудзона, обогнул побережье на восток от этого места, а затем последовал на север вдоль берегов Массачусетса и Мэна. Далее Верразано, по-видимому, не высаживался, но он следовал вдоль побережья Новой Шотландии и Ньюфаундленда. Он проплыл, по его словам, до пятидесяти градусов северной широты, или почти до пролива Бель-Айл. Затем он повернул на восток, вышел в великий океан и благополучно добрался до Франции. К сожалению, Верразано не написал подробного отчета о той части своего путешествия, которая касалась канадских вод. Но нет сомнений, что его яркие описания, должно быть, во многом подтолкнули французов к дальнейшим усилиям. К несчастью, в момент своего возвращения его королевский повелитель был глубоко вовлечен в катастрофическое вторжение в Италию, где вскоре потерпел сокрушительное поражение при Павии (1525), в результате чего оказался пленником в руках своего испанского соперника. Его отсутствие подорвало французскую предприимчивость, и

исследования Верразано не были продолжены до тех пор, пока перемена судьбы не позволила Франциску отправить знаменитую экспедицию Жака Картье.

Еще одна экспедиция в Канаду заслуживает краткого упоминания, прежде чем мы перейдем к главному открытию Картье реки Святого Лаврентия. Это путешествие Стивена Гомеса, отправленного в 1524 г. Карлом V, соперником Франциска I. Он провел в плавании около десяти месяцев, следуя во многом тем же курсом, что и Верразано, но с гораздо большей тщательностью обследовал побережье Новой Шотландии и территорию около открытия залива Святого Лаврентия. Его курс можно проследить от реки Пенобскот в штате Мэн до острова Кейп-Бретон. Он вошел в залив Фанди и, вероятно, зашел достаточно далеко, чтобы понять по его приливам, иногда достигающим высоты шестидесяти или семидесяти футов, что его дальний конец не может быть свободным и что он не может обеспечить открытый проход в Западное море. Двигаясь на северо-восток вдоль берега Новой Шотландии, Гомес проплыл через Кишечник Кансо, таким образом узнав, что Кейп-Бретон - это остров. Он назвал его островом Святого Иоанна - или, скорее, он перенес на него это название, которым уже пользовались картографы. Отсюда и получилось, что "Остров Святого Иоанна" вызывал большую путаницу в ранней географии Канады. Мы можем предположить, что первые картографы, использовавшие его, получили свою информацию косвенно от каботажников и рыбаков, часто посещавших побережье. Они обозначили его как остров, лежащий в "Бретонском заливе", который стал названием открытого устья залива Святого Лаврентия. Гомес, однако, использовал название острова Кейп-Бретон. Позже это название было применено к тому, что сейчас является островом принца Эдуарда. Все это характерно лишь для трудностей в понимании отчетов о ранних путешествиях в Америку. Гомес должным образом вернулся в порт Ла-Корунья в июне 1525 года.

Таким образом, мы можем составить некоторое представление об общем положении американских исследований в то время, когда Картье совершал свои знаменательные путешествия. Морские нации Европы в поисках прохода к полумифическим азиатским империям наткнулись на огромный континент. Сначала они подумали, что это сама Азия. Постепенно они начинали понимать, что это не Азия, а отдаленная земля, лежащая между Европой и Азией и которую мореплаватель должен миновать, прежде чем на горизонте появятся Китай и Чипанго. Но новый континент был огромен по своим размерам. Он преграждал путь на запад от полюса к полюсу. С каждым путешествием ресурсы и природная красота новой земли становились все более очевидными. Роскошные острова Вест-Индии и империя ацтеков в Мексике уже приносили богатство и величие монархии Испании. К югу от Мексики уже было обнаружено, что великий барьер континента простирается до холодных бурных морей Антарктического региона. Путешествие Магеллана (1519-22) действительно доказало, что, обогнув Южную Америку, можно попасть на острова пряностей на востоке. Но маршрут был бесконечно долгим и трудным. Исследователя манила надежда на более короткий путь на север. Об этой северной стране пока не было известно ничего, кроме ее побережья. Кэбот и рыбаки нашли страну огромных лесов, омываемую холодными свинцовыми морями Арктики и хранящую свою тайну в железных тисках северных льдов. КORTE-Реалы, Верразано и Гомес любовались бесконечной панорамой атлантического побережья Северной Америки — великолепными лесами, покрытыми спутанными лианами, простирающимися до песчаных пляжей моря, — широкими заливами вокруг устьев могучих рек, безмолвно и таинственно текущих из сердца неизвестного континента. Тут и там раскрашенный дикарь демонстрировал яркие перья своего головного убора, прячась на деревьях в лесу или стоя с бесстрашным

любопытством, глядя с берега на белокрылые корабли странных пришельцев с неба. Но по большей части все, кроме звуков природы, было безмолвно и таинственно. Волны с грохотом набегали на песчаный пляж Каролины и пенились о скалы железных берегов Новой Англии и Новооткрытой Земли. Лес сливал свой ропот с шумом волн, и, когда солнце садилось за неизвестные холмы, его аромат доносился до стоящих на якоре кораблей, которые плыли по безмятежной глади вечернего моря. И за всем этим стояла тайна — тайна неведомого Востока, тайна пути, который, должно быть, лежит где-то скрытым в заливах и бухточках континента безмолвной красоты, и, прежде всего, таинственное ощущение великой истории, которая еще впереди для самой этой новой земли, - ощущение бормотания множества голосов, улавливаемого как оттенок шелеста лесных листьев, но поднимающегося, наконец, до могучего звука обширной цивилизации, которая в грядущие столетия должна влиться в безмолвные дикие места Америки.

К такой земле — к такой тайне — приплыл Жак Картье, первооткрыватель Канады.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Исландские саги содержат легенды об открытии Америки еще до Колумба. Бенджамин де Коста в своем труде "Доколумбово открытие Америки" дал переводы ряда этих легенд. Другими работами, относящимися к этому мифическому периоду, являются: "Обретение Вайнленда Доброго" А. М. Ривза; "Путешествия северян" Дж. Э. Олсона в т. I из "Оригинального повествования о ранней американской истории" под редакцией Дж. Ф. Джеймсона; "В северных туманах" Фритьофа Нансена; и "Открытие Америки" Джона Фиске. В ряде трудов по общей истории есть главы, посвященные доколумбовым открытиям; наиболее доступными из них являются: "Повествовательная и критическая история Америки" Джастина Уинзора; "Общая история и описание Новой Франции" Шарлевуа (1744), переведенная с примечаниями Дж. Г. Ши (1886); "Открытие Северной Америки" Генри Харрисса; и "Завоевание Канады" автора книги "Хочелага".

На испанском, французском, итальянском и английском языках существует множество работ, посвященных Колумбу и его времени. Выдающимися среди последних являются: "Жизнь Колумба" Ирвинга; "Христофор Колумб и как он воспринял и передал дух открытий" Уинзора; "Жизнь Колумба" Хелпса; "История Фердинанда и Изабеллы" Прескотта; "Жизнь Колумба" Кромптона; "Жизнь Сент-Джона" Колумба""; и "Избранные письма Колумба" Мейджора (публикация Общества Хаклюит). Точно так же в каждом важном труде, посвященном ранней истории Северной или Южной Америки, обсуждается Колумб и его путешествия.

Литература, посвященная Кэботам, столь же обширна, как и та, что касается Колумба. Книга Генри Харрисса "Джон Кэбот, первооткрыватель Северной Америки и Себастьян, его сын; глава морской истории Англии при Тюдорах, 1496-1557" - это наиболее исчерпывающий труд. Другими авторитетными работами о Кэботах являются "Замечательная жизнь, приключения и открытия Себастьяна Кэбота" Николса, в котором предпринята попытка приписать главную славу открытия Америки не Джону Кэботу, а его сыну Себастьяну; "Путешествия Кэбота, 1497 и 1498" Доусона, "Путешествия Кэбота, продолжение" и "Путешествия Кэбота, последние фазы полемики" в "Трудах Королевского общества Канады"; "Мемуары Себастьяна Кэбота" Биддла; "Воспоминания Себастьяна Кэбота" Доусона. "Джон и Себастьян Кэбот, открытие Северной Америки" Бизли; и "Открытие Америки Кэботом" Вира.

Ряд европейских авторов хорошо изучили творчество Верразано, а два американских ученых опубликовали ценные работы о жизни и достижениях этого исследователя; это "Исследователь Верразано: подтверждение его письма и путешествия" Де Косты и "Путешествие Верразано" Мерфи.

В дополнение к уже упомянутым общим историям, следующие работы содержат много информации о путешествиях предшественников Жака Картье: "Пионеры Франции" Паркмана; "Открытие штата Мэн" Коля; "Связь рыболовства с открытием Северной Америки" Вудбери (в этой работе утверждается, что баски жили раньше Кэботов); "Бассейн Святого Лаврентия и его пограничные земли" Доусона; "Открытия Америки" Вайзе; "Дневник Христофора Колумба" и "Документы, относящиеся к путешествиям о Джоне Кэботе и Гаспаре Корте-Реале", переведенной с примечаниями и введением сэром Клементсом Р. Маркхэмом; и "Предшественники Жака Картье, 1497-1534" Биггара. Эта последняя работа необходима для изучения ранних путешествий в Америку. Она содержит документы, многие из которых публикуются впервые, на латыни, португальском, испанском, итальянском и французском языках, касающиеся исследований. Заметки бесценны, а документы, за исключением тех, что на французском, переведены тщательно, хотя и свободно.

Что касается коренных племен Америки, читателю было бы полезно ознакомиться с "Справочником американских индейцев к северу от Мексики", изданным Бюро американской этнологии, и "Справочником индейцев Канады", переизданным канадским правительством с дополнениями и незначительными изменениями из предыдущей работы под руководством Джеймса Уайта, F.R.G.S.